

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ

Предисловие и публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова

Дневниковые записи, сделанные Андреем Белым в августе — сентябре 1921 г. в первые дни и недели после кончины Блока, — документ весьма содержательный и эмоционально насыщенный. Он важен и для воссоздания эпизодов, фактов и подробностей, связанных с этим трагическим событием, и для характеристики взаимоотношений двух поэтов. По существу, это была первая попытка итогового осмысления их почти двадцатилетнего общения.

В последние годы жизни Блока его отношения с Андреем Белым, поначалу экзальтированы «братские», затем напряженно-конфликтные, выровнялись, перешли в прочную дружбу, питавшуюся чувством взаимного уважения двух признанных корифеев символизма, близости основных духовных идеалов и литературных принципов, любви и доброжелательности, укрепившихся после преодоления идейных и личных расхождений¹. «Мы *«под громом событий»* те же братья, как и встарь, и события мира нас по-прежнему спаивают», — писал Белый Блоку в июне 1916 г.² Особенно тесной эта внутренняя связь стала после октября 1917 г., когда Блок и Белый оказались в одном стане, в числе приверженцев совершившейся революции, объединенные настроениями «скифского», революционного максимализма. Сходен и идейный пафос их важнейших поэтических творений этого времени — «Двенадцати» Блока и поэмы Белого «Христос воскрес». Как единомышленников воспринимали Блока и Белого друзья и враги этих произведений.

Виделись и общались Блок и Белый в эти годы менее интенсивно, чем в пору своей молодости; почти прекратилась и их переписка. «Наши отношения года уже протекают без писем, но — все равно: я всегда ощущаю факт твоего бытия», — признавался Белый 12 марта 1919 г. в письме, направленном Блоку в связи с выходом его очерка «Катилина»³. Устойчивый характер внутренней связи, спокойная уверенность друг в друге и чувство взаимопонимания не требовали дополнительных подтверждений; прочной основой этого единства служила общность истоков их литературных биографий — «эпоха зорь», сформировавшая их внутренний мир и определившая их творческий облик, осознававшаяся Блоком и Белым уже как история. «Андрей Белый в Доме искусств<...> Он такой же, как всегда: гениальный, странный» (ЗК, 488), — в этой записи Блока, относящейся к вечеру Белого в петроградском «Доме искусств», ощущается долгий опыт взаимоотношений и глубина постижения старинного жизненного спутника.

Постоянно декларирувавшаяся общность позиций Блока и Белого в пореволюционные годы подтверждалась совместными литературно-организационными начинаниями. Прежде всего следует упомянуть петроградское издательство «Алконост» — большая часть книг Блока и Белого этих лет увидела свет под его маркой — и выпускавшийся в нем альманах «Записки мечтателей»: в этом издании, объединявшем в основном бывших символистов, Белый и Блок — основные участники. Блок был одним из инициаторов Вольной философской ассоциации («Вольфила»), председателем совета которой стал Андрей Белый. Хотя Блок почти не принимал участия в лекторской работе и в постоянной деятельности кружков ассоциации, он был внутренне близок к организаторам «Вольфилов» и разделял их духовный пафос; последние два года общения Блока и Белого проходят под знаком «Вольфилов». Будучи одним из основных деятелей ассоциации, Белый жил в Петрограде в феврале — июле 1920 г. К этому времени относятся и его регулярные встречи с Блоком, некоторые из них (1 мая, 2 мая, 7 июля 1920 г.) Блок зафиксировал в записной книжке (ЗК, 491, 492, 496). Второе «вольфильское» пребывание Белого в Петрограде (апрель — сентябрь 1921 г.) совпало с предсмертной болезнью Блока, и в летние месяцы Бе-

лый его уже не видел. «Время (приблизительное) и место последней встречи Блока с Б. Н. — очень помню, — пишет Иванов-Разумник, — потому что это свидание происходило при мне. Б. Н. жил на М. Морской в гостинице «Спартак». Незадолго до последней поездки Блока в Москву я как-то зашел к нему по вольфильским делам, и мы вместе с ним отправились к Б. Н. Это было в апреле 1921 г. Прекрасно помню весь происходивший разговор (несколько часов); помню, с каким увлечением говорил Б. Н. о десятитомной «Эпопее» и осторожную реплику Блока: «А что, Боря, если бы десять томов сжать в один?» К фресковой живописи, требующей целых стен, Блок относился недоверчиво. — После возвращения Блока из Москвы мы с Б. Н. зашли к нему в середине июня, но уже не могли его увидеть»⁴. Описывая в дневнике события последних недель, Блок зафиксировал 25 мая 1921 г. и эту последнюю встречу с Белым: «Я заходил к А. Белому по делу в «отель Спартак», где он поселился. Дела и ничего не вышло» (VII, 421).

В последние три месяца жизни Блока его видели очень немногие — всего несколько человек, включая родных; из посторонних постоянно посещал умирающего поэта только С. М. Алянский, бывший для других «как бы «вестником» оттуда, где медленно угасал Блок»⁵. Все свидетельствуют о его глубокой безысходности, об отсутствии воли к жизни, о все усугублявшемся депрессивном состоянии и физическом изнеможении. «Самое трудное понять, зачем были эти страдания невероятные, — признавалась 15 августа 1921 г. мать Блока, А. А. Кублицкая-Пиотух, в письме к Н. А. Нолле-Коган. — Три месяца неслыханных мук. Да и вся эта зима была сплошным кошмаром для него»⁶. Физический недуг и тяжелое расстройство психики, безусловно, еще более усиливались мрачными, болезненными мотивами в мироощущении Блока, которые в значительной степени были вызваны возобладавшим в нем переживанием «отсутствия воздуха», истощенности тех духовных стимулов, которые вдохновляли его зимой 1917—1918 гг. и в последующее время. Несомненно, о своей творческой трагедии исповедовался Блок в речи «О назначении поэта», произнесенной 10 февраля 1921 г., когда говорил: «*Покой и воля*. Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и волю тоже отнимают. (...) И поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл»; «И Пушкина тоже убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха. С ним умирала его культура» (VI, 167). Весь устремленный в грядущее, признавший правоту Октябрьской революции и увидевший очертания близящейся «революции духа», Блок почувствовал немоту и бессилие, когда ему показалось, что духовный подъем, вызванный переживанием «музыки революции», миновал, и вместе с тем он ощутил всю причастность к той умирающей культуре, с которой был связан рождением и всеми вехами творческого развития. Вспоминая о встрече с Блоком летом 1920 г., С. Городецкий писал: «И показался он мне жирным, нашим, по эту сторону огненной реки, расколовшей всех на два лагеря (...) В нем была жаждность кончать, увидеть, осязать новое, вложить персты в рану революции и убедиться». Но, продолжает Городецкий, «я скоро убедился, что первое впечатление о сохранности его первоприродных сил было у меня преувеличено»⁷. К. И. Чуковский, близко знавший Блока как раз в последние годы его жизни, зорко распознавал смысл трагедии, переживавшейся в это время поэтом: «Не то, чтобы он разлюбил революцию или разуверился в ней. Нет, но в революции он любил только экстаз, а ему показалось, что статический период русской революции кончился (...) Он до конца не изменил революции. Он только невзлюбил в революции то, что не считал революцией: все обывательское, скопидомное, оглядчивое, рабье, уступчивое (...) Он не хотел позаволить человечеству, чтобы, пережив катастрофу, оно снова превратилось в «грудку шлама». Ему казалось, что после великой грозы все должно быть иное, что люди, очистив свою жизнь грозой, не смеют быть слудливыми и пошлыми (...) он не мог простить революции до конца своих дней, что сна не похожа на ту, о которой он мечтал столько лет. Но она и не обещала ему, что она будет похожа. Это была подлинная революция — в ней был и огонь, и дым, она была и безумная, и себе на уме. Он же хотел, чтобы она была только безумная»⁸.

Этот блоковский взгляд обусловил романтическую односторонность восприятия революции и предопределил мотивы разлада с пореволюционной действительностью, сказавшиеся прежде всего в неприятии Блоком «политического» аспекта происшедших эпохальных событий («политику» он считал враждебной «духу музыки»), в его отчужденности от основных принципов и конкретных направлений деятельности нового государства. Настроения душевной угнетенности и отчаяния в последнюю пору жизни Блока усугубля-

лись, как уже неоднократно отмечалось, и затянувшимся поэтическим молчанием, и изнурительной, подчас неблагоприятной литературно-организационной работой, и бытовыми неурядицами, и различными мерами бюрократического характера. Особенно болезненно воспринимал поэт вновь обозначившиеся приметы столь ненавистного ему буржуазного уклада жизни.

«Трагическим поэтом вошел Блок в историю литературы, трагедией окрашены и его последние годы, — со всей вескостью утверждает современный исследователь. — (...) Блок понимал, что он обречен, что все вокруг становится другим, что войти ему в этот новый мир с иными критериями, оценками, вещами, людьми, с иным характером отношений между людьми — не суждено. Он был из тех, кто знал о себе все»⁹.

Все эти черты предсмертной трагедии Блока выступают достаточно акцентированно и в записях Белого. Настроения, вобладовавшие перед смертью во внутреннем мире Блока, были в значительной степени свойственны самому Белому. Сам он признавался, что уже в 1919 г. ощутил «явное разочарование в близости «революции Духа»¹⁰, после чего испытал своеобразную «реакцию» на свой революционный подъем 1917—1918 гг. — горечь от того, что реальность не оправдала его туманных, утопических, максималистских упований. Поэтому не удивительно, что в своем дневнике Белый настойчиво подчеркивает противоречия между Блоком в последнюю пору его жизни и окружающей действительностью, между революционными надеждами поэта и неистребимым, торжествующим «мещанством», которое, якобы, «съело революцию». За противопоставлением Блока «политике» и государству, проводимым Белым довольно настойчиво, кроме того, обнаруживается естественный протест против упрощенного или тенденциозного понимания личности Блока и смысла его революционных произведений: «Двенадцать» и «Скифы» трактовались Белым как закономерный итог творческого пути поэта, предопределенный всем его предшествовавшим развитием, а не как отказ от прежних своих идеалов и переход на новые позиции, о чем постоянно говорили и враги революции, и многие из ее сторонников, разграничивавшие «Двенадцать» и прежнего, «буржуазного» Блока. Заметно сказалось в записях и подспудно скапливавшееся у Белого раздражение, вызванное длительными проволочками, чисто бюрократического характера, с получением разрешения на выезд за границу, куда он пытался отправиться для встречи с женой еще в 1919 г., а смог выехать только в октябре 1921 г. Тяжелое душевное состояние Белого, озабоченность и усталость, длительная бытовая неустроенность стимулировали мрачную сгущенность его восприятия действительности и явились питательной почвой для многих резких утверждений, которые нашли свое место в дневнике. Но при всем том, что Белый настойчиво прослеживает в позднем Блоке трагически-неразрешимые конфликты, он далек от мысли, что поэт отрекся от своих революционных убеждений, о чем в это время писали не только в эмигрантской прессе, но даже зачастую в советской печати. «Блок, конечно, не был (...) большевиком, каким его огласили, но был революционером, и таким остался»¹¹, — утверждает Белый в «Воспоминаниях о Блоке»; в дневнике он также подчеркивает, что Блок «до конца остался при «Двенадцати», сохранив верность своему стихийному, «музыкальному» восприятию революции.

Наибольшую и очевидную ценность в записях Белого представляет подробная характеристика всех обстоятельств, связанных со смертью и похоронами Блока, разговоров с близкими поэту людьми. Сделанные наспех, для себя и включающие прежде всего развернутый свод для памяти отдельных фактов и бесед, записи Белого грешат порой упрощенной и односторонней расстановкой логических акцентов, излишней пристрастностью и запальчивостью. Однако «сиюминутность», неотшлифованность этих хроникальных заметок, зафиксированных «по горячим следам» свидетелем и участником описываемых событий, позволяет отчетливей и ярче почувствовать колорит той суровой эпохи, ощутить ее атмосферу, разделить с дорогими покойному поэту людьми горечь их утраты. Анализируя истоки душевной трагедии Блока и прерванные кончиной возможные пути ее преодоления, Белый мысленно оперирует мистическими и оккультными представлениями о внутреннем мире человека, его рассуждения об этом — в русле антропософской доктрины, во власти которой он оставался в эти годы. Отсюда и обильная оснащенность записей мистической терминологией.

Записи «К материалам о Блоке» были доведены до 6 сентября 1921 г. — дня отъезда Белого в Москву. Белый передал их затем Иванову-Разумнику. Последний в связи с

этим вспоминал: «Б. Н. с 7-го августа 1921 года по начало сентября, целый месяц, вел дневник, очень подробный, день за днем отмечавший его впечатления и настроения — с того момента, когда я, вернувшись домой в Д(етское) Село с квартиры Блока, сообщил Б. Н. о смерти (Б. Н. тогда жил у нас). Этот «блоковский дневник» Б. Н. подарил мне, уезжая осенью 1921 года за границу. Дневник — ценнейший для Б. Н. и для Блока (...). Отрывочную страничку из этого дневника (о «Петербурге») я напечатал в книге «Вершины», в статье о «Петербурге»¹². В статье «Петербург» (1923) Иванов-Разумник привел рассуждения Белого о семантике «внутренней инструментовки» романа и отзыв Блока об истолковании Белым аллитеративной системы его III тома стихов¹³. Отрывки из «блоковского дневника» Белого Иванов-Разумник читал на одном из «вольфильских» заседаний памяти Блока, посвященном воспоминаниям о поэте (выступали Вл. В. Гиппиус, Иванов-Разумник, Н. А. Клюев, В. Н. Княжнин). «Вчера заседание Вольфилды началось в 3 1/2, кончилось в 8 1/2 ч. (вечера), — сообщал Иванов-Разумник Конст. Эрбергу 28 августа. — Было очень хорошо. Публики полон большой зал — и все сидели, не шелохнувшись до самого конца»¹⁴. В тот же день Иванов-Разумник писал Л. Д. Блок: «Посылаю Вам для прочтения дневник Андрея Белого. Он — не для печати, во всяком случае еще не скоро для печати. Передавая его мне в прошлом году, Борис Николаевич разрешил пользоваться им „по мере разумения“; я думаю, что не нарушил этого разрешения, прочтя вчера на заседании Вольфилды то, что помечено сбоку красным карандашом¹⁵. (Разумеется — вместо имен называя лишь условные буквы, за исключением перечня имен известных — при описании панихиды и похорон). Прочел даже не все отмеченное красным; кончил местом, где цитата: „Он весь — свободы торжество“. Впечатление, по общему отзыву, было очень сильное»¹⁶.

Дневники «К материалам о Блоке» были первой данью Белого памяти покойного друга. Три недели спустя после кончины поэта, 28 августа 1921 г., он председательствовал на заседании «Вольфилды», посвященном памяти Блока, выступив на нем с большой речью, в которой прослеживал важнейшие мотивы творчества Блока и основные вехи его поэтической эволюции, стремясь понять «связующий нерв» его поэзии¹⁷. К этому выступлению Белый был в значительной мере подготовлен своей более ранней статьей «Поэзия Блока» (1917), в которой пытался дать, в связи с выходом в свет в издательстве «Мусагет» трехтомного собрания стихотворений Блока, обнимающего «шестнадцатилетие поэтических переживаний и дум», своего рода итоговую характеристику его творчества, показать преломление в его художественной структуре, «организме поэтической пульсации» внутреннего мира поэта и пережитой исторической эпохи¹⁸. С речью о Блоке Белый выступал также на вечере памяти поэта, состоявшемся в середине сентября 1921 г. в Москве¹⁹.

Свой некролог о Блоке в «Записках мечтателей» Белый завершал словами: «Отзовемся и двинемся ближе к нему; постараемся распечатать нашу память о нем; и сотворим ему *Вечную Память!*...»²⁰ Дневниковые записки «К материалам о Блоке» включили в себя и первую попытку Белого «распечатать» свою память: в них в виде беглого конспекта представлены история его общения с Блоком и разнообразные свидетельства о поэте как самого Белого, так и со слов других лиц. В первые же недели после смерти Блока Белый приступил к работе над более полным изложением своих воспоминаний, главное внимание при этом он уделил предыстории знакомства и первым юношеским встречам с Блоком — времени их наиболее тесной внутренней связи и наибольшего единomyслия. В конце сентября — начале октября 1921 г., незадолго до отъезда за границу, Белый выступал в «Вольфилде» на двух вечерах с воспоминаниями о Блоке. «Уезжая спешно за границу, я должен был отдать свою статью, недостаточно проработав ее стиль; прошу извинения у читателей», — написал Белый в примечании к первой, наиболее краткой редакции своих «Воспоминаний о Блоке», датированной октябрём 1921 г. и помещенной в альманахе «Северные дни»²¹. В ней Белый стремился отчетливо показать эпохальную значимость поэзии Блока, символ которой он видит в его юношеском стихотворении «Гамаюн, птица вещая», понятом как импульс к последующему творчеству, — «где берется градация и будущих зарывов лет, и будущих страшных»²²; в связи с этим с особенной пристальностью рассматривается «соловьевский» этап развития Блока, важнейший для формирования его творческого облика, последующие годы характеризуются в суммарном изложении. Более пространную и подробную историю отношений с Блоком представляют собой «Воспоминания об Александре Александровиче Блоке» Андрея Белого (напечатанные в «Записках

мечтателей»²³), основу которых составили его «вольфильские» мемуарные выступления. Приехав в ноябре 1921 г. в Берлин, Белый приступил к работе над самым расширенным вариантом своих «Воспоминаний о Блоке», которые опубликовал в четырех сборниках «Эпопея», выпущенных им в Берлине в 1922—1923 гг. под своей редакцией²⁴. «Воспоминания о Блоке», напечатанные в «Эпопее», — большая книга, в которой история взаимоотношений Блока и Белого воссоздана с максимальной широтой, с привлечением многочисленных автобиографических и побочных мемуарных сведений, имеющих к ней прямое или косвенное касательство; изложение доведено до 1912 года, причем годам «вражды» поэтов и их нового сближения на рубеже 1900-х — 1910-х годов уделено не меньше внимания, чем начальной поре отношений. Несколько специальных глав посвящены разбору поэзии Блока: Белый рассматривает ее в динамическом развитии, показывая характер изменения образности и пытаясь установить психологические, философские и исторические предпосылки этой эволюции.

Эти «Воспоминания о Блоке» явились основой для работы Белого над большой мемуарной книгой, — так называемая «берлинская» редакция его «Начала века» (1922—1923), из которой опубликованы по сей день лишь отдельные главы, была, по существу, расширенным вариантом «Воспоминаний о Блоке», в котором фон взаимоотношений Блока и Белого был развернут в масштабную, многофигурную картину минувшей литературной эпохи.

По возвращении из-за границы (октябрь 1923 г.) Белый многократно выступает с лекциями о поэзии Блока и с воспоминаниями о нем в различных городах страны²⁵. К концу 1920-х годов, т. е. ко времени начала работы над новым мемуарным циклом, отношение Белого к Блоку существенно видоизменяется: безоговорочное приятие творчества и духовных исканий поэта, восторжествовавшее в работах Белого о Блоке 1921—1923 гг., сменяется более критическим подходом; вместо прежних характеристик Блока как гениальнейшего из современных поэтов возникают достаточно сдержанные оценки, зачастую — неприятие тех или иных особенностей его поэтического и человеческого облика. Представления Белого о Блоке, какими они запечатлены в воспоминаниях 1921—1923 г., были сильно поколеблены опубликованием в 1928 г. дневников Блока 1911—1913 и 1917—1921 гг.; многие черты Блока, отразившиеся в них, явно не вписывались в тяготевавший к идеальному образ Блока из воспоминаний Белого. Дневниками Блока Белый был глубоко разочарован, и это послужило первотолчком для переоценки поэта и своих отношений с ним²⁶. Приступая к работе над новыми мемуарными книгами, Белый собирался прежде всего по-новому «переписать» Блока. 10 декабря 1929 г. Белый писал П. Н. Медведеву о «берлинской» редакции своих воспоминаний: «Начало века» возникло за границей после указания ряда людей, что в «Воспоминаниях о Блоке» — Блок меня связывает, что Блок — одна из фигур, слишком выделенная из фона; фон — «Начало века» (...) И если бы писал теперь, то писал — не так, да и Блока взял бы не так; эпически, а не лирически; этот «лирический» Блок «Начала века» и «Воспоминаний» мне очень не нравится; нельзя похоронное слово разгонять на ряд печатных листов. Это — остаток романтики; трезвая действительность требует корректива к Блоку, пути которого, как Вам вероятно известно, мне чужды»²⁷. Год спустя Белый уже сообщал Иванову-Разумнику о результатах работы над новой книгой воспоминаний «Начало века»: «Поскольку в „Эпопее“ отбором служит надгробная память, — в ней романтический перелет; борясь с этим перелетом, я в желании зарисовать *натуру* Блока впадаю в стиль натурализма поздних голландцев (...) Может быть, в третьей переделке попаду в цель. Так: в „Начале века“ считало Брюсова удавшейся мне фигурой, а Блока — неудавшейся. Но было трудно: ведь Блока, „героя“ „Воспоминаний“, надо было вдвинуть в рой фигур, чтобы он не выпирал; и переработать, сообразуясь со стилем всей книги»²⁸. Несмотря на неудовлетворенность «натуралистическим» образом Блока во «втором» «Начале века», Белый остался верен этому принципу изображения и в следующей мемуарной книге «Между двух революций», причем во вступительной главе к ней подчеркнул свое стремление «вспоминать» Блока «в сторону реализма»²⁹. Портрет Блока в мемуарах Белого начала 1930-х годов вполне вписывается в стилистическую систему этих книг, с ее более сухой, чем в ранних воспоминаниях, и иронической манерой изложения, постоянно переходящей в шарж и гротеск и приобретающей зачастую сатирическую окраску.

Как видим, «посмертный» образ Блока существенно менялся в восприятии Белого, предстывая различными гранями в зависимости от изменения творческой задачи мемуа-

риста. В дневнике августа — сентября 1921 г. Белый еще не руководствуется определенной концепцией, его суждения о Блоке, как правило, пока только «мысли врасплох», и эта непосредственность, неотделанность, своего рода «самоценность» первых воспоминаний сообщает им особый интерес и привлекательность.

Записи Белого «К материалам о Блоке» сохранились в архиве Иванова-Разумника в дефектном состоянии: многие листы автографа были утрачены, некоторые дошли в поврежденном виде, от нескольких листов уцелели лишь клочки, по которым невозможно реконструировать содержание текста. Часть текста восстанавливается по машинописной копии, снятой с рукописи Ивановым-Разумником, но и она также уцелела не полностью. Некоторые фрагменты (составляющие около 1/5 всего текста) не сохранились ни в автографе, ни в машинописной копии.

Автограф и машинописная копия записей Андрея Белого «К материалам о Блоке» хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР в архиве Р. В. Иванова-Разумника (ф. 79, оп. 3, ед. хр. 41, 42). Текст публикуется с некоторыми сокращениями.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Исчерпывающим образом история отношений Блока и Белого отражена в их многолетней переписке. См.: «Александр Блок и Андрей Белый. Переписка».

² «Александр Блок и Андрей Белый. Переписка», с. 334.

³ «Александр Блок и Андрей Белый. Переписка», с. 340.

⁴ Письмо Иванова-Разумника к К. Н. Бугаевой от 1 июля 1934 г. Цитируется по копии, посланной Ивановым-Разумником В. Н. Ивановой (ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 200). «Эпопея» — грандиозный замысел Андрея Белого конца 1910-х — начала 1920-х годов, реализованной частью которого являются «Записки чудака», печатавшиеся в «Записках мечтателей» (№ 1, 2-3; Пб., 1919—1921) под заглавием: «Я. Эпопея. Том первый. Записки чудака. Часть первая. Возвращение на родину».

⁵ М. С. Шагинян. Воспоминания о встречах с С. М. Алянским. — Приводятся в кн.: С. В. Белов. Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С. М. Алянского. Л., 1979, с. 103.

⁶ ЦГАЛИ, ф. 237, оп. 2, ед. хр. 259.

⁷ Сергей Городецкий. Воспоминания об Александре Блоке. — «Печать и революция», 1922, № 1, с. 87, 88.

⁸ К. Чуковский. Александр Блок как человек и поэт. (Введение в поэзию Блока). Пг., 1924, с. 21—22.

⁹ Л. К. Долгополов. Александр Блок. Личность и творчество. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Л., 1980, с. 214—215.

¹⁰ Письмо к Р. В. Иванову-Разумнику от 1—3 марта 1927 г. — «Cahiers du Monde russe et soviétique», vol. XV, 1974, N 1—2, p. 78.

¹¹ «Северные дни», сб. II. М., 1922, с. 140.

¹² Письмо к К. Н. Бугаевой от 1 июля 1934 г. — ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 200.

¹³ См.: Иванов-Разумник. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., «Колос», 1923, с. 109—110. В воспроизведении текста Белого Иванов-Разумник допустил отдельные неточности.

¹⁴ ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 145. Это заседание было завершающим в цикле «вольфильских» воскресных заседаний памяти Блока, приуроченных к годовщине со дня его смерти. Материал заседания был расположен в хронологической последовательности: 6 августа 1922 г. (135-е открытое заседание) М. А. Бекетова выступила с воспоминаниями «Детство, отрочество и юность Блока (1880—1902)», 13 августа (136-е открытое заседание) читались письма Блока к Андрею Белому (1903—1905), 20 августа (137-е открытое заседание) с воспоминаниями о Блоке за 1902—1913 гг. выступал Е. П. Иванов. Программа этих заседаний памяти Блока излагается в хроникальной заметке «В Вольфиле» («Литературные записки», 1922, № 3, 4 августа, с. 23).

¹⁵ Эти пометы сохранились на рукописи дневника Белого.

¹⁶ Письмо к Л. Д. Блок от 28 августа 1922 г. — ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, ед. хр. 55.

¹⁷ Стенограмма речи напечатана в кн.: «Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг». Пб., 1922, с. 8—34.

¹⁸ См.: Андрей Белый. Поэзия слова. Пб., «Эпоха», 1922, с. 106—134. После смерти Блока Иванов-Разумник составил из отрывков этой статьи Белого заметку «Муза Блока», которая была помещена в журнале «Знамя» (1921, № 10 (12)).

¹⁹ См.: ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 91, л. 20—33.

²⁰ «Записки мечтателей», № 4. Пб., «Алконост», 1921, с. 10.

²¹ Андрей Белый. Воспоминания о Блоке. — В кн.: «Северные дни», сб. II. М., 1922, с. 133—155.

²² Там же, с. 133.

²³ «Записки мечтателей», № 6. Пб., «Алконост», 1922, с. 5—122. Большой фрагмент этого текста (под заглавием «Воспоминания об Александре Блоке») был предварительно опубликован в критико-библиографическом журнале «Литературные записки» (1922, № 2, 23 июня, с. 23—30).

²⁴ См.: Андрей Б е л ы й. Воспоминания о Блоке. — «Эпопея», № 1, М. — Берлин, «Геликон», 1922, с. 123—273; № 2, с. 105—299; № 3, с. 125—310; № 4 (1923), с. 61—305. В развернутой версии воспоминаний о Блоке, так же как и в дневниковых записях за август — сентябрь 1921 г., отчетливо сказались антропософские воззрения Белого, в особенности при анализе творческой эволюции поэта, однако они не подчинили себе всего хода мемуарного изложения. В связи с этим отметим, что утверждение в статье Вл. Орлова «Александр Блок в памяти современников» (см.: «Александр Блок в воспоминаниях современников» в двух томах, т. I. М., 1980, с. 24) о том, что Белый в январе 1922 г. выступил в Берлине с докладом под названием «Блок как антропософ» (видимо, основанное на каком-то хроникальном сообщении) не подтверждается характеристикой, которую дает сам Белый этому докладу: упоминая в перечне своих выступлений «Себе на память» о публичном заседании берлинского филиала «Вольфила» в феврале 1922 г., он пишет: «Председательствую и открываю собрание речью о Блоке» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 96, л. 16). В случаях, когда выступление было специально озаглавлено или имело определенно выраженную тему, Белый это неизменно указывал в своем перечне, составленном весьма тщательно. Антропософская тема, вероятно, прозвучала в выступлении, но едва ли Белый рискнул бы озаглавить его так, как это сделал предполагаемый хроникер.

²⁵ В частности, Белый выступал с лекцией «Поэзия Блока» в Москве, Ленинграде и Киеве, а также с докладами о ритмике Блока, лекциями «Художественная идеология Блока» и «Об образных мирах у Блока» (см.: Андрей Б е л ы й. Материалы к биографии. 1919—1927 гг. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 98). В 1926 г. Белый написал комментарий к своей переписке с Блоком за 1903 г. («Комментарии Бориса Бугаева к первым письмам (переписки) Блока к Бугаеву и Бугаева к Блоку»), содержащие многочисленные мемуарные свидетельства (см.: «Cahiers du Monde russe et soviétique», 1974, vol. XV, N 1—2, p. 83—104).

²⁶ Так, 16 апреля 1928 г. Белый писал по прочтении дневников Блока Иванову-Разумнику: «Если бы Блок исчерпывался 6 показанной картиной (<...>), то я должен бы был вернуть свой билет: билет «вспоминателя» Блока; должен бы был перечеркнуть свои «Воспоминания о Блоке»; отказаться от них в примечании такого рода: «Ознакомившись с материалом «Дневника» 11—13 годов, беру назад слова покаяния о том, что я *де* не понял Блока в эпоху наших прей и взаимных вызовов на дуэль; я, стало быть, понял Блока в 1906 году; мои рецензии на «драмочки» и на «Нечаянную Радость» — правильный ответ <...>» (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 19).

²⁷ ГПБ, ф. 474, ед. хр. 4.

²⁸ Письмо к Иванову-Разумнику от 2 января 1931 г. — ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 22.

²⁹ Андрей Б е л ы й. Между двух революций. Л., <1934>, с. 6.

К МАТЕРИАЛАМ О БЛОКЕ

(8 августа 1921 г.)

Блок скончался 7-го августа 1921 года ¹. В воскресенье. С понедельника ему стало особенно плохо; по словам С. М. Алянского ², слышавшего от Л. Д. Блок, он впал в бессознательное состояние в последние дни; не более 4 часов он был в памяти (утром <2? и вече?>ром 2); прочее время — бредил; сердце поддёрживали <...>ем; кроме ангины, по словам Александры Андреевны (матери), <было?> воспаление сердечных клапанов; все признаки заболевания, как сказала Александра Андреевна мне (сегодня), начались уже с янва<ря> ³ <...> слабость, невращения все прогрессировали. <...> <Разви>валась раздражительность: «Боря, он не ве<рил?>»

«Далее текст не поддается восстановлению (2/3 рукописной страницы). В нем описывается со слов А. А. Кублицкой-Пиоттух предсмертная болезнь Блока. Отдельные восстанавливаемые фрагменты: «Он по словам матери был мученик»; «Умер он в полном сознании <когда?> Александра Андреевна приехала из-под Петербурга»

«Вест» о кончине Александра Александровича пришла в «Вольн<ую> Фил<ософскую> Ассоциацию» во время доклада Михайлова «О Гете» ⁴; перед кон<дом> первой части доклада в зал пришла О. Д. Форш — от <Блока?> (узнав о приезде Александры Андреевны, она хотела ее увиде<ть> ⁵ и наткнулась на горе); оттуда она прямо <отправи?>лась в «Вольфила». И сообщила

Р. В. Иванову <(председа)тельствовавшему> о кончине. Тогда было решено <в знак> траура прервать заседание: Александр Александрович Блок был <основателем?> Ассоциации ⁶. Когда Р. В. объявил о кончине <...> и ахнули. Многие даже мало знали о х<арактере его> болезни.

Я узнал в Царском Селе печальную весть ⁷. Р. <В. приехал? расстр>оенный; и — сказал мне: «С Блоком <...> сейчас, погодит<е, рас>скажу Ва<м> <Далее текст не поддается восстановлению (1/2 рукописной страницы)>

<...> Блока — какая-то составная неотъемлемая часть моей души: не стихи, не роль его в литературе, а он сам, «Саша», как таковой был едва ли не ближайшим моим — не в плоскости общения (с 1908 года общались мы редко), а в глубине глубин: «бытие» Блока сопровождало меня всюду; я мог быть в Москве, в Петербурге, в Каире, в Дорнахе ⁸, — и всюду я знал, чувствовал, что у меня есть брат: и это был — Блок; только с двумя у меня было это чувство «брата»: с Сережей ⁹ и с Сашей; по-разному: Сережа был «братом» одной половины моей души; Саша — другой (но Саша ближе); когда-то (до 1905 года) мы чувствовали все<т>рое друг к другу это чувство: с 1905 года Сережа разошелся с Сашей, а я точно раскололся между ними; вчера понял, что этот раскол души между двумя «братьями» мучил где-то меня до сегодня; и я все же знал: у меня два брата; и вот одного, быть может, в духе самого близкого брата не стало. Я понял, что одурь, которая вчера напала на меня, от сознания, что «Саша» (живой, на физическом плане) — часть меня самого. Как же так? Я — жив, а содержание, живое содержание души моей умерло? Бессмыслица?! Тут я понял, что какой-то огромный этап моей жизни кончен. Блок — отстрадал: пора ему отдохнуть, ему хорошо. Да будет воля Твоя! И он встал предо мной, омытый от теней смертной усталости и пыли земной, наложивших на него такие суровые черты за эти последние годы. И удивительно мягко, как тема нежнейшей симфонии сквозь внешние диссонансы прошла предо мной его личность, повернутая ко мне с 1902 года (верней с конца 1901 года) ¹⁰. Мне стало легко и радостно: я мог благодарить судьбу за встречу с ним.

Да, — его *бытие* для меня — было чем-то в роде: возможности слушать Шумана (Шуман — мой любимейший) ¹¹; я могу года по условиям судьбы не слышать ни одного звука Шумана, но я знаю: что мне возможно его слышать: завтра, послезавтра; я могу прожить спокойно всю жизнь и не слышать Шумана (случайно); но я всегда уверен: что Шуман где-то звучит, он есть для Вечности; и — успокаиваюсь; если бы мне сказали: «Все нотные знаки Шумана исчезли и с ними исчез Шуман для мира», — я переживал бы это исчезновение почти физиологически, как утрату зрения, слуха и т. д. Так Шуман бессмертен *во мне*. И таким «Шуманом», музыкой Шумана, был для меня сам Блок, — не Блок поэт, не его величина, а — эмпирическая личность. Он — не мог исчезнуть, пока я жив: он — орган восприятия музыки мною; музыка есть для меня, пока я не оглох; музыки нет — я оглох. Блока — нет: стало быть я навеки стал калекой (лишился слуха). Так воспринял я в первую минуту смерть Блока (как если бы мгновенно лишился зрения); но и слепец, вспоминая о Свете, создает «Потерянный рай» ¹². И я вышел из этих двух часов молчания — *просветленным слепцом*.

Вечером за чаем мы тихо и светло вспоминали Блока (я и Разумник Васильевич). <...> Блок был *насквозь человек*, т. е., быть может, только он из всех современных поэтов — поэт собственно, потому что поэт — *насквозь человек*. Он не был «гражданским» поэтом, но воздух его стихов, его только, — воздух России двух последних десятилетий: «Мы дети страшных лет России» ¹³, — сказал он: еще более он был *сыном России*; ни Бальмонт, ни Брюсов, ни Иванов ¹⁴, ни Маяковский, ни Клюев, ни Ахматова, никто другой не были в поэзии своей сынами *всей России*, а были выразителями кружков, сфер, каст, классов; Блок — поэт *целой России*. И оттого-то воздухом России дышал он; не в аллегорическом, а в буквальном смысле слова; <...>

Тихо, тихо мы вспоминали вчера А. А.: Р. В. сказал: «Да, это был действительный человек: неужели мы будем теперь чтить его память «вечерами», «заседаниями»? Я: «Не представляю: я по крайней мере не могу говорить публично пошлостей в роде того, что мы утратили «великого русского поэта» и т. д. Для меня Блок — что-то настолько интимно-нежное, что я не могу выступать с посмертными речами и статьями о нем». (Действительно: мать, братья, жена «великого» ведь не выскакивают на эстраду, а молча плачут у гроба, молча вспоминают покойника: для нас с Р. В. Блок слишком близок, чтобы о нем устраивали мы словесные поминки¹⁵. Р. В. сказал мне: «Предоставим «Домам искусства»¹⁶, «Домам литераторов»¹⁷ чествовать Блока публично: «Вольфиле» он слишком близок, чтобы и она вошла просто в ранжир официальных панихидных заседаний...») И тут же Р. В. предложил мне с ним вместе приняться за обширную работу о Блоке — работу приготовления материалов воспоминаний о нем, биографии, критических исследований. «Пусть наша память о нем выразится годами труда и работы...» Так и порешили: мы будем справлять память о Блоке, может быть, на протяжении всей жизни нашей¹⁸.

Сегодня утром приехали на панихиду. Узнали, что панихида ровно в 6; я вернулся в «Спартак»...¹⁹ Скоро зашла Софья Гитм(ановна)²⁰ с букетом роз; и сказала: «Вы положите на гроб Блока цветы как председатель В(ольной) Ф(илософской) Ассоциации». Мы условились идти вместе, но мне так хотелось *быть одному*, идти на панихиду с своими, ничем не развевными мыслями о нем, что я ушел раньше. Тихо шел по Офицерской (Адрес квартиры, где умер он: Офицерская д. 57 кв. 23. Ход со двора: второй этаж). Ворота дома выходят на канал, пахнет морем; много травы...

На дворе уполен уже вижу — несколько барышень с цветами, Н. А. Павлович²¹ (тоже с цветами) и Одинокий²² (тоже с цветами). Мы пошли наверх: отпраивает прислуга. И тотчас же вижу Александру Андреевну (поседела, бодра); я поцеловал ей руку: она поцеловала меня в губы; и что-то хорошее, хорошее прошло между нами.

Прошел в комнату (где была столовая): все вынесено; комната — пустая; Блок лежит на столе; у изголовья его художник Анненков рисует²³ и мать Л. Д. Блок, Анна Ивановна Менделеева (жена Дмитрия Ивановича)²⁴ — тоже зарисовывает покойного (она — художница); у меня не хватило смелости «возложить» цветы на покров, которым он покрыт, я просто сунул их на этажерку к цветам же, поцеловал руку Любови Дмитриевне, которая вчера, по словам Р. В. и Форш, все плакала, а сегодня — бодра и строга (только бледна).

Подшел проститься с тем, что уже не Блок: это «то» — изменилось: восковые пальцы, темное лицо, слегка поросшее бородой (очевидно последнюю неделю не брился); лежит — в сюртуке; лицо — изменилось: темно-желтое, строго-скорбное, постаревшее; словом — «не Блок». . .²⁵ Понял, что Блок — не *здесь*, а *в нас*; и отошел к стенке (до панихиды осталось еще 20 минут); увидел каких-то людей (не понял — кто); узнал лишь Ахматову (в черном трауре, в креповой, густой вуали); видимо она *очень огорчена*. . .²⁶ Тут Александра Андреевна тронула меня за рукав и вывела из комнаты — к себе: я взял ее за плечи и еще раз крепко поцеловал. Она была совершенно спокойна: «Ну вот. . .» — Радоваться надо за него: отсут-тал!» — кажется, сказал я. Тут она мне и рассказала последние минуты и дни Блока < . . . >²⁷

Тихо поговорили мы с А. А. Между прочим, она мне сказала, что за эти дни (незадолго до смерти) Саша будто бы сказал, что, кажется, я ему самый близкий человек; если хоть часть этих слов верна (а сомневаться в правдивости А. А. не смею), то это как раз соответствует моему внутреннему отношению к нему (а мы не видались, не разговаривали, не переписывались: тем уверенней во мне было переживание, что все между нами благополучно).

К А. А. пришла какая-то дама; А. А. нас представила: «Вы знакомы?» — «Как же: я знаю Б. Н. . . .» (ее фамилия Дельмас²⁸; я не узнал этой дамы); я — вышел в переднюю, столкнулся с Анной Ивановной Менделеевой; оказалось, что она живет в «доме отдыха» в Царском; просила меня зайти к ней.

Я вернулся к покойному: уже комната наполнилась; принесли цветы от «Вольфины» (Векслер)²⁹; принесли еще много цветов. Среди лиц, бывших на панихиде, — заметил: Кузмина, Одинокого, Ахматову, Пяста, Сюннерберга³⁰, Форш, Княжнина³¹, Павлович, Лурье³², Жирмунского³³, Бернштейна³⁴, С. Г. Каплун, К. Г. Каплун³⁵, В. Н. Иванову³⁶, Фехнер³⁷, Виссель³⁸, Векслер, Меринг³⁹ и некоторых других «вольфилок» (из «Вольфины» было много народу), М. В. Сабашникову⁴⁰, Бруни с женой⁴¹, Анненкова, Алянско-го. Вечером у меня была Меринг для подписи проездных бумаг в Царское⁴²: завтра наши едут туда за цветами на гроб от «Вольфины». Ленту уже заказали.

9-го августа. Петроград. Блок вернулся уже из Москвы⁴³ — больной: нервное переутомление, подагра и цинга вместе (как говорили — впрочем, кто разберет); и уже в Петербурге случился припадок ангины (это было в мае); вторую половину мая, июнь и июль он страдал; доктора сказали, что только 50% за то, что он выйдет к жизни и будет жить еще, хотя и с ангиной; но он был очень непокоен; он как бы приговаривал себя к смерти⁴⁴; в первое время его надо было скорей на воздух — в образцовую санаторию; таковые были в Финляндии <...> Последние дни Блок сам не хотел ехать; он — чувствовал приближение смерти, хотел умереть тихо. За несколько дней он прислал Разумнику Васильевичу несколько из своих книг на память с запиской, на которой изображена чисто детская виньетка (бумага для детей). Р. В. еще говорил мне: «Не нравится мне эта записка: Блок не хочет жить. И стало быть: смерть придет...»⁴⁵ Он — оказался прав. Очень трогательно себя вел Алянский и барышня, которая последние года всегда с ними (не знаю ее фамилии⁴⁶).

9-го августа⁴⁷. Был у Мариэтты Шагинян; она 2 дня плачет о Блоке; рассказывала мне, что ее мучат угрызения совести. Блок ей уже во время болезни послал очень нежное письмо; она же под влиянием своего впечатления от последних сомнений Блока (общественных) написала ему бурное письмо; и потом мучалась все 2 месяца⁴⁸; она видела Евангелие Блока с его пометками; и — говорит: «Он был в подлинной Церкви». Под Церковью же она понимает нечто «свое» (т. е. Христово, а не христиан-ское). Упрашивала меня прийти к ней и говорить ей о Блоке (что я о нем знаю); я ей ответил: «Да ведь у меня слов о Блоке — тома на два; что же мне сказать?» Сегодня в «Правде» известие о смерти Блока; упомянуто, что он автор «Двенадцати»; и — только⁴⁹. <...> По городу расклеены объявления от соединенных — «Дома иск<уств>», «Дома литер<аторов>», «Дома ученых», «Всемирной литературы», «Изд<ательства> Гржебина» и «Алконоста» о смерти и о дне и часе выноса⁵⁰. В четверг в помещении «Инст<итута> Жив<ого> Слова»⁵¹ состоится гражданская панихида по Блоке.

В 6 1/2 часов состоялась панихида по Блоке. Подходя, увидел у канала группу: Фехнер, С. Каплун, Виссель и Змиева⁵²; все — только из Царского, где достали цветов — от себя и от В. Ф. А. Поджидали Векслер с венком и с лентой. Пришли к самому началу панихиды; возложили цветы; народу было не больше, чем вчера: несколько десятков человек; почти никого из литераторов. Среди присутствующих заметил: П. Е. Щеголева⁵³, Е. П. Иванова⁵⁴, Павлович, Лурье, Алянско-го, Лозинского⁵⁵; много было наших «вольфилок»; да: была еще Мариэтта Шагинян. После панихиды мы с Меринг возложили венок от «В. Ф. А.» Шли назад с П. Е. Щеголевым; и говорили об всем (главным образом о Блоке). Щеголев зашел ко мне и посидел с 1/2 часа. Решили в скором времени выпустить книгу о Блоке⁵⁶ (та, большая работа — само собой). Перед уходом подошел к А. А. Кублицкой-Пиоттух и узнал, что она не уедет в деревню⁵⁷; условились, что приду к ней. <...>

Щеголев вспоминал, что в эпоху германской революции Блок был полон еще воодушевления; еще в 1920 году (весной) он верил только в *революцию духа*, говоря, что только она смеет мешанство, съевшее революцию; она и будет революцией собственно ⁵⁸. <...>

10 августа ⁵⁹. Сегодня состоялись похороны Блока. В 9 1/2 за мной заехала Соня ⁶⁰ (Белицкий ⁶¹ дал лошадь для матери); к 10 были на Офицерской. По всей Офицерской уже тянулась молодежь к выносу. У ворот дома, на дворе, на лестнице народ; всюду пронесли венки; в квартире у черных дверей С. М. Алянский в роли Цербера (пропускающий знакомых и близких). В комнатах душно и тесно; лицо Блока ужасно изменилось; среди знакомых <х> литераторов и деятелей: Замятин ⁶², Лозинский, Волянский ⁶³, Лурье, Анненков, Е. П. Иванов, Авенариус ⁶⁴, Д. Цензор ⁶⁵, Штейнберг ⁶⁶, Р. В. Иванов, Мейер ⁶⁷, Пяст; и потом те же близкие и вольфилки; длительная панихида; во время ее Волянский меня подзывает; и — просит: «Понесем вместе: в первую голову!» Мы держались вместе; и ко времени разбора венков стали у изголовья; появился к выносу какой-то очень почтенный, длинноволосый старец, очень чопорно одетый, который тронул меня своим видом; он поклонился, отрекомендовавшись: «Авенариус!» (старый писатель). Л. Д. перед выносом долго и мучительно прощался с покойным; я стоял рядом с ней, или вернее над ней; она склонилась к лицу покойного, которое очень сильно изменилось: почти до неузнаваемости. Гроб подняли: Волянский, я, Иванов-Разумник, Замятин, Лозинский ⁶⁸

<далее текст утрачен (2 1/2 страницы рукописи)>

<16 августа>. Мне передавали со слов А. А. Кублицкой: Правительство обратилось чрез Каплуна ⁶⁹ с предложением семейству поставить памятник Блоку в Петрограде; семейство отклонило это, мотивируя тем, что Блоку чужды были эти онеры; тогда Каплун предложил памятник на могиле; ответили, что он будет поставлен на средства родных; тогда зашла речь о доске на доме, где жил Блок, ответили, что о доске позаботятся организации.

Блок, очевидно, в бессознательном состоянии очень страдал: в беспомощности он все кричал: «Боже мой, боже мой» — так громко, что в соседней квартире слышали. ...

Р. В. рассказал мне, что он не любил «Скифов». После того, как Р. В. провел параллель между «Скифами» и «О чем шумите вы, народные витии» ⁷⁰, — Блок сказал, что он теперь понимает, почему он холоден к «Скифам»: у Пушкина он холодно отмечает «О чем шумите вы» и наоборот — очень любит «Медного Всадника». В его «Дневнике» о «Двенадцати» сказано, что да, — там есть капля политики; есть ли эта капля яд, отравляющий «Двенадцать», или нет, это покажет будущее ⁷¹.

Вчера 15-го Алянский должен был видиться с Каплуном и иметь разговор о делах в связи с кончиной Блока.

Р. В. говорил о том, что они с Блоком очень много говорили о «Двенадцати». С 1921 года (с «Сирина» ⁷²) начались продолжительные многочасовые беседы их ⁷³; сначала они много спорили; и Блок, любя Р. В., все же считал, что в позициях они враждебны; и лишь потом изменил это мнение.

Р. В. вчера мне сказал, что он «Скифы» любит более «Двенадцати». Я — тоже ⁷⁴.

Одно время Блок увлекался Стриндбергом вместе с Пястом (потом — разочаровался скоро: мне он презрительно говорил о Стриндберге); период увлечения, кажется, был 1910 год ⁷⁵.

Оказывается, Блок очень хотел чтобы А. А. (мать) уехала в деревню (до болезни); и на вечере в Малом театре ⁷⁶ он сам спрашивал, здесь ли Белицкий (Белицкий дал разрешение на отъезд ей): ему было трудно выносить то, что происходило между Л. Д. и А. А. ⁷⁷

Еще штрих: когда в 1917 году (в начале года) я высказывал Блоку мысли о его творчестве, легшие в основу моей статьи о нем в «Ветви» ⁷⁸, то он весь

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Фотография, 1923, Берлин
Литературный музей, Москва

расцвел, когда я ему рассказал о моем толковании его аллитерации 3-го тома «т», «р», «д» («тр» — «др»): «Трагедия трезвости»⁷⁹. Именно с тем, что третий том есть *трагедия трезвости, самосознание*, что здесь *желтые* зори сменяют *розовые* и что вместо «Дамы» — «Россия» — с этим он был глубоко согласен. Он был — «западник», оставаясь при «Скифах» (т. е. — ни запад, ни восток: востоко-запад — Россия). Он очень хотел, чтобы я внимательно анализировал его поэзию.

В последний раз, когда он у меня был в комнате, где я пишу эти строки («Спартак»), он принес № «Русской мысли» Струве (издание «Софийское»); и с презрительно добродушным юмором показывал на «Дневник» Гишпиус⁸⁰.

К доброте Блока: после «Двенадцати» Пяст одно время разорвал с Блоком; Блок встретился с ним, протянул руки и с лаской спросил: «Хочет ли Пяст с ним поздороваться»⁸¹. То же он спросил у Гишпиус, когда она его, так сказать, отлучила: он встретил ее на трамвае⁸².

В «Вольфиле» Блок не хотел работать в 1920, 21 годах, говоря откровенно Р. В., что ему надо зарабатывать деньги и оттого он не может уделять время такому чистому делу, как «Вольфила» (скромность и искренность его).

Блок никогда не отдавался Ницше: видимо, прошел мимо него⁸³.

В 1912 году он очень тяготился Вяч. Ивановым; и просто, не ссорясь, не хотел с ним выдаться⁸⁴. К Брюсову он относился со смесью уважения, любви, шуточной нежности и уничтожительной иронией: тон к Брюсову — снисходительный; но знатока и любителя поэзии в нем читал; мне кажется, что будучи очень далек от Брюсова, он его литературно более уважал, чем Вячеслава, которого «Тантал» он любил⁸⁵; знаю, что он говорил, что не понимает музы-

ки; но Вагнера любил очень и очень ⁸⁶; в эпоху 1906 и 1905 года он постоянно с Л. Д. бывал на Вагнере; раз мы были вместе на «Валькирии».

А. З. Штейнберг считает в общем «германской» поэзию Блока: восхищается техникой «Незнакомки» и любит сознательность формы «Креста и Розы». Кстати: среди надгробных венков кем-то был прислан Крест и на нем Роза.

Блок в 1911—12 (не помню точно) исключен из «Цеха поэтов» за неувки на собрания — Гумилевым ⁸⁷. А в 1920 году (может и 21) вытеснен из Председателей Петербургского Союза Поэтов той же гумилевской линией, недолюбливавшей его и развенчивавшей его ⁸⁸.

Блока недолюбливали и петербургские Пролет-Кульцты; Бердников на моем вечере «Первое свидание» не без пики против Блока хвалил очень мою поэму и отзывался сдержанно о 3-ей части «Возмездия», только что напечатанной ⁸⁹. Московские Пролет-Кульцты, наоборот, страшно любят Блока (Казин, Александровский, Полетаев, Дегтярев) ⁹⁰.

Блок любил: Ибсена, Байрона, Тютчева, Фета, Вл. Соловьева (очень и очень), Меттерлинка, Фета, Некрасова, Аполлона Григорьева, Шекспира (Шекспир — его увлечение молодости: юношей он играл Гамлета (говорят — плохо: страшно декламировал (отзыв Сережи <Соловьева>), Байрона, Гейне, одно время Стриндберг был его увлечением. Не помню его отношения к Баратынскому ⁹¹. Он любил возиться с «молодыми»; он — открыл юношу Городецкого ⁹²; покровительствовал Леониду Семенову (†) ⁹³, возился одно время с Есениным (Есенин любил Блока: кажется, будучи вовсе неизвестным, проездом через Петербург, он отправился к Блоку с улицы, застал его: и Блок его пригрез; петербургская эпопея Есенина начинается со встречи его с Блоком (и потом уже Городецкий, Клюев, Разумник и т. д.) ⁹⁴. Блока любит Орешин ⁹⁵.

Блок в 1905 году мне говорил, что не любит слишком «русских» песен, ибо здесь — «надрывное, разбойное» (не полюбил ли потом?).

Из моих вещей он любил: Первые 3 Симфонии, не любил 4-ую, любил «Голубь» (не знаю, как «Петербург» и «Котик»); кажется любил «Пепел». К «Запискам Чудака» — сложное отношение ⁹⁶.

Из моих друзей он не любил Эллина: симпатично очень и тепло относился к Петровскому ⁹⁷, любил Эмилия Метгера ⁹⁸, с внимательной серьезностью и остороженностью к Анне Рудольфовне ⁹⁹; очень забавлялся Эртелем ¹⁰⁰, определенно не любил С. А. Соколова ¹⁰¹ (не мой друг) и нежно, чуть с жалостью к Нине Петровской ¹⁰².

К линии «Коваленских» относился отрицательно ¹⁰³. Марья Викторовна Коваленская (девушкой) была влюблена в него (с 1901 года и даже — ранее) ¹⁰⁴. Алекс(андру) Григ(орьевну) Коваленскую недолюбливал ¹⁰⁵, а С(офью) Григ(орьевну) Карелину — любил ¹⁰⁶.

18 августа. Сегодня состоялось первое организ(ационное) собрание Комитета кружка имени Блока, могущего развернуться и в Музей имени Блока, и в Литер(атурное) о(бщест)во имени Блока ¹⁰⁷. Присутствовали: Л. Д. Блок; А. А. Кублицкая-Пиоттух, П. Е. Щеголев, Р. В. Иванов, я, Алянский. Щеголев прочел проект устава, который мы подписали. Потом обсуждали сборник (первый из предполагаемой серии имени Блока), в котором вошли бы исключительно воспоминания о Блоке, по возможности без оценки. Кроме сего важен биографический материал в широком смысле слова; мы наметили круг людей, могущих дать ценные воспоминания о Блоке, как в ближайший месяц (срок доставки не позднее 20-го сентября), так и вообще ¹⁰⁸. Сюда вошли лица, к которым предполагается обратиться: Пяст, Е. П. Иванов, Г. И. Чулков, Городецкий, В. И. Иванов, Н. А. Котляревский ¹⁰⁹, Штейнберг, С. М. Соловьев, М. В. Коваленская, Радлов ¹¹⁰, Анненков, Бердяев ¹¹¹, Аскольдов ¹¹², Сюннерберг, Мейер, Гиппиус, Е. В. Аничков ¹¹³, Замятин и др. Не все в России. Для ближайшего сборника наметили группу лиц. Мне поручено снести с Городецким, Волынским,

Бердяевым, Пястом; выяснилась необходимость заседания памяти Блока в «Вольфиле», ибо его односторонне трактуют по линии «Двенадцати». Нашлась запись Блока о 12-ти ¹¹⁴; она не соответствует ни белогвардейским, ни коммунистическим толкованиям; по оси этой заметки и будет построено заседание: участники: Щеголев, я, Замятин, Штейнберг, Ив(анов)-Разумник ¹¹⁵. (...)

Ионов, заведующий «Государственным» издательством» завез Блоку в ночь похорон огромный куст роз с трогательной надписью. Он был очень задет смертью Блока. Одно время в издательских делах по поводу «Алконоста» он его притеснял. Ионов ужасно любил поэзию Блока; но он — шалый: одно время он систематически теснил произведения Блока как заведующий Пет(роградским) отделением Государственного Издательства ¹¹⁶.

По словам Ал(ександры) Андр(еевны): каждый день на могилу Блока приходит молодежь; очень хорошо приходит: приносят цветы, молятся; какие-то маленькие девочки молились на его могиле; А. А. спросила одну: «Ты знаешь, кто Блок?» Девочка ответила: «Как же: это «Свечечки и вербочки»...» ¹¹⁷ А. А. сказала: «Вот он-то и умер...» Девочка спросила: «Что же он сильно страдал?» А. А. ответила: «Очень...» Девочка расплакалась....

Вечером сегодня пришел Капун и просидел с 9 до 4 1/2 ночи. Очень много говорил о Блоке: просит меня обратиться к А. А. со следующими предложениями; моральное согласие на 1) мраморную облицовку могилы, надпись, сюжет и эскиз художника на памятник надгробный. 2) Текст надписи на мраморной доске на доме, где жил Блок. 3) Право на поднятие вопроса в Губисполкоме о переименовании Набережной в Набережную имени Блока ¹¹⁸. 4) Издания Собрания Сочинений в Государственном Издательстве. Он возмущен некультурностью статей о Блоке в «Правде» ¹¹⁹ и тоном статьи П. С. Когана, где «Двенадцать» выхватывается из контекста других произведений ¹²⁰. Просил, не напишу ли я в правительственных газетах опровержение или контр-статью. Я — промолчал; он — настаивал. Но спросил про Разумника. Я сказал, что Лурье ¹²¹, любящий Блока и коммунист, мог бы исполнить роль советского публициста и напечатать соответствующую статью в правительственных газетах.

19 авг(уста). К Блоку: М. В. Сабашникова рассказывала, что Блок незадолго до смерти в бессознательном состоянии все твердил: «Ну вот — начали колоть мебель: вот и поедем!»

В Москве вышел первый № «Книги и революции». Там возмутительная рецензия Боброва на «Седое утро», где сказано: «Блок умер». Они верно попали: книга вышла ровно в дни смерти. Интересно, как-то «Книга и революция» будет теперь поминать Блока ¹²².

Маргарита Васильевна вспоминала сегодня Блока, как он был весь значительный своим видом. Она часто его видала на «башне» у Вяч. Иванова в эпоху, когда он писал «Снежную маску» (в 1907 году); он много читал у Вячеслава своих стихов.

Блок гимназистом играл Гамлета, а Л. Д. Офелию.

«Дневник Блока» абсолютно не доступен для печати: слишком интимен, ведется он с 1901 года. И кажется весь наполнен Л. Д.

На днях вышел номер газеты, посвященный Искусству; этот № посвящен смерти Блока: ряд статей; среди них: Пяста, Мариэтты Шагинян, Кузмина, Анненкова ¹²³. Более других понравилась мне краткая заметка Кузмина, очень искренно написанная, и воспоминания о встрече с Блоком какого-то, очевидно, публициста, не знавшего Блока в лицо, но любившего его поэзию: «В Доме ученых» ¹²⁴; они столкнулись в хвосте при получении продуктов; Блока принял упомянутый публицист за голландского шкипера, что ему и высказал ¹²⁵: Блок ему ответил, что он очень рад, что это так, потому что юной еще он мечтал попасть юнгой на корабль. Происхождение Блока — голландское (по отцу); предок Блока, кажется, при Алексее Михайловиче перебрался в Россию ¹²⁶.

Вчера у меня был Кибальчич, завед(ующий) франц(узским) отделением Коминтерна, поэт (переводит «Христос воскрес» на фр(анцузский) язык)¹²⁷; он вспоминал, что во 2-ом томе Блока в тонах Петербурга (например в стих(отворении) «Петр»: «И сонно розовеют латы»)¹²⁸ уже есть Блок «Скифов» и «Двенадцати». Разговор происходил en trois (Каплун, Кибальчич, я) на тему, что нельзя, как сделала «Правда», выхватывать из целостности Музы Блока «Двенадцать»; разговор перешел на мистику поэзии Блока: Кибальчич развивал мысль, что мистика есть у всякого революционера, что «Прекрасная Дама» Блока и Человечество Огюста Конта перекликаются¹²⁹; отсюда разговор перешел на религию, обряды и символы: характерно, что Каплун слушал и не спорил: он что-то очень смущен. Равич¹³⁰, говорят, — тоже.

*Блок и Горький*¹³¹. Долгое время (вероятно с 1918 до 1920 года) Блок относился прекрасно к Максиму Горькому. Александра Андреевна называет это «у Саши был роман с Горьким», но в конце концов он очень разочаровался в нем. Мне он говорил в 1920-м году, что у него произошел разговор с Горьким на тему «кризис гуманизма», и Горький высказывал такое чуткое и нежное понимание; он упросил Блока написать доклад на эту тему и прочесть во «Всемирной литературе», что Блок и сделал: возражения Горького были неожиданны и элементарны; они шли в разрез с тем, что Горький высказывал Блоку в разговоре с глазу на глаз¹³².

20 августа. Сегодня вечером были с Разумником Васильевичем у Л. Д. Блок, вызвавшей нас; ее сомнения заключаются в том, что учрежденный Комитет памяти Блока может измениться в своем составе и тогда он, владея материалом, неопубликованным, о Блоке, может вопреки желанию Л. Д. распоряжаться материалом, тем более, что Щеголев, великолепный исследователь, привыкший оперировать со всеми материалами и досконально докапываться до фактов биографии, может сообщить в биографии нечто преждевременное, касающееся других (например Л. Д.) и т. д. Обсуждали этот пункт и пришли к заключению, что Комитет должен утвердить компетенцию Л. Д. в вопросе о выборе материала.

Передал все 4 предложения Каплуна: 1) Собрание сочинений Гос. изд. — Л. Д. отклонила: собрание сочинений принадлежит «Алконосту»¹³³. 2) Памятник на могиле будет поставлен на средства жены. 3) Мраморную доску берут на себя литер(атурные) организации. 4) Вопрос о переименовании Набережной остается открытым. Государство вольно поступать так, как оно хочет в этом пункте.

Между прочим: Л. Д. говорила, что Ионов оскорблял Блока и что потом лишь изменил отношение к нему.

Александра Андреевна, с которой я сегодня говорил, сообщила, что болезнь Блока началась уже в январе: сильнейшими слабостями, непрекращающимся чувством холода и ночными потами; сам Блок думал, что у него начинается туберкулез, как и у отца; Л. Д. указывала, что эти признаки — признаки чахотки: но обращаться к доктору Б(лок) не хотел; ему приходилось ежедневно таскать на себе по лестнице по 4 охапки дров, и он после изнемогал от усталости; в прошлом году при переезде с квартиры он сам на себе перетаскивал всю обстановку, вплоть до шкафов и опять-таки сильно утомлялся¹³⁴. Жить он не хотел и, по-видимому, к смерти готовился: что-то записывал и приводил в порядок бумаги; в феврале этого (21-го) года он, показывая какую-то бумажку Книпович¹³⁵, сказал ей: «Видите, готовлюсь к смерти». В бытность свою в Москве Алянский слышал, как в разговоре с Чулковым он сказал, что ничего не имеет против смерти¹³⁶. Во время Кронштадтских событий (когда раздавалась канонада) (в марте)¹³⁷, Александра Андреевна вошла к нему в кабинет; он сидел за столом и ничего не делал; увидав входящую Александру Андреевну, он сказал: «И ты слоняешься без дела... и я слоняюсь...» И прибавил очень значительно: «Вся Россия слоняется так: без дела теперь...» Вообще же он мало говорил: угрюмо молчал.

Александра Андреевна сказала мне: «А ведь он был нетерпеливый... Переждать прохода тоски своей не мог... Знаете ли вы, Боря, что Саша был нетерпеливый человек?» — Я: «Нет, признаться, это для меня новость». Александра Андреевна: «Да, он был нетерпелив».

Потом перешли на тему о моих отношениях с Блоком: Александра Андреевна: «Вы стояли на совершенно разных путях и во всем были разные, но в чем-то особенном, главным, о чем сказать нельзя, — были одно...» Я: «Да, — вне путей, в чем-то молчаливом, мы всегда были вместе...» Александра Андреевна: «Оттого он иногда вдруг выбегал к вам, как в прошлом году. Его тянуло иногда к вам... Да и понимал он вас как-то совсем особенно; все его цитирования из вас были бы непонятны для других... Он приводил из вас неожиданные цитаты... Помню, как он обрадовался, когда нашел у вас в «Серебряном голубе» черное небо... Он много говорил о нем тогда...»¹³⁸ Я: «У меня было то же чувство к нему: особое, физиологическое...» Александра Андреевна: «Да, так могли чувствовать друг друга лишь братья, кровные...»

Далее Александра Андреевна мне рассказала, что Саша считал мои отношения к Асе¹³⁹ «мозговыми», умственными. Я — протестовал: Александра Андреевна: «Не знаю, мне так казалось...» Потом она говорила о том, что Саша страдал часто гипертрофией интеллектуальности; раз он сказал Александре Андреевне: «Куда нам деваться, мама, — тебе и мне от гениальности»; под «гениальностью» же по словам Александры Андреевны он разумел «интеллектуальность»... Потом мы вспоминали время, когда между всеми нами стояла Л. Д.; Александра Андреевна: «Как мне было трудно, Боря, между вами, Любой и Сашей»...¹⁴⁰ Я махнул рукой... Она: «Да, вот — разве что: махнуть рукой...» Между прочим она сказала мне, что Саша ей раз сказал: «Отношения между тобой и Любой наладятся только тогда, когда я умру». И опять разговор перешел на причины смерти; опять она повторила: «Люба и я — вот одна причина; разочарование в стихии — другая...» Оказывается, последние года он всеми силами души ненавидел сонную жизнь: он не мог слышать о ней, не мог говорить, стискивал зубы и бледнел от гнева.

Блок сперва не очень признавал стихотворение «Куликово Поле»¹⁴¹; потом он переменял свое мнение.

Собрание стихотворений 4 тома приготовлено к печати самим Блоком. В Альбоме черновом осталось, кроме вариантов, ряд недоделанных стихотворений, никогда не бывших в печати.

21-го Волынский, с которым я видался, мне говорил, что он имел много разговоров о 12-ти с Блоком; между прочим: когда заговорили о Христе («в венчике Христос»), то Блок сказал: «Ах, оставьте: не говорите!»

27-го. 26 августа¹⁴² в 20-ый день состоялась панихида с речами о Блоке во «Всемирной литературе»; были лишь члены Коллегии¹⁴³, а из приглашенных со стороны лишь я да Иванов-Разумник. Мы — не были.

26-го же августа, вечером, священник Введенский в церкви говорил проповедь на тему: «Блок как религиозный мыслитель»¹⁴⁴. В Москве «левые эс-эры» устраивают вечер памяти Блока. В воскресенье 28 августа «В<ольная> философская ассоциация» устраивает заседание, посвященное памяти Блока, речи: Андрей Белый, Иванов-Разумник, Штейнберг, Щеголев. Со стенограммой.

Комитет левых эс-эров прислал для оглашения телеграмму¹⁴⁵.

29 августа. Вчера от А. А. Кублицкой узнал, что Саша читал уже большой «Записки мечтателей» № 2-3. Читал мои «Записки чудака». И делал отметки карандашом. Н. А. Павлович обещала мне принести его «Добротолубие» с пометками¹⁴⁶. Голлербах сегодня был и обещал дать копию с неизвестного стихотворения и с 3-4-х писем Блока в наш архив¹⁴⁷.

Вчера было наше заседание («Вольфиль»). Народу было так много в большом зале, что Меринг не могла пробраться через толпу; мы вывесили записку, что мест нет. И тем не менее шли толпы. Я открыл заседание: ска-

зал вступительное слово. Потом взошел на кафедру и около двух часов говорил. После сделали перерыв. После говорил Штейнберг 1/2 часа и Разумник Васильевич 1/2. После я огласил телеграмму комитета левых эс-эров. И сказал несколько заключительных слов. Были 3 стенографистки. А. А. Кублицкая в перерыве не согласилась со мной в оценке перехода от «Прекр(асной) Дамы» к «Незнакомке»¹⁴⁸, говоря, что сам Саша был против моего истолкования. Чертков¹⁴⁹ в перерыве поцеловал меня. Какой-то седой господин благодарил за философский подход к поэзии Блока. Публика тихо, серьезно и внимательно слушала. Говорили, что *стиль* заседания был настоящий.

Голлербах сегодня рассказывал мне о поминовении в пятницу во «Всемирной литературе»¹⁵⁰. Говорили короткие и очень прочувствованные речи: очень будто бы хорошо сказал Лозинский; интимно Алянский, который подчеркнул, что Саша хотел умереть: в разговоре с Чулковым в Москве он спросил Чулкова, хочет ли он умереть. Чулков что-то ответил, а он сказал: «А я вот — хочу!» Волынский упоминал о своих разговорах с Блоком о 12-ти: между прочим, Волынский указывал Блоку на композиционные дефекты в рисунке 12-ти. Блок отчасти соглашался. Другой раз они говорили о Христе; тут Блок, покраснев, довольно решительно перебил Волынского: «Не будем говорить о Христе». Блок казался сухим и надменным Голлербаху. Я возразил ему, что это не надменность: Блок последние годы перешел в категорию тех, кого я определяю, как «угрюмые люди»... Но «угрюмые люди», не те, кто угрюмы в своем ядре, а те, кто таят в себе как раз противоположное: в Блоке *затаялся нежный, ласковый, несколько беспомощный ребенок* и — «мудрый»; — таким он был всегда, как сам о себе сказал в «Ямбах»:

Быть может — юноша веселый	Скрытый двигатель его?
В грядущем скажет обо мне	Он весь — дитя добра и света,
Простим угрюмость — разве это	Он весь — свободы торжество ¹⁵¹ .

Чертков, работающий в «Пролет-культе» <...> в своем докладе в Пролет-культе <...> проводил мысль о целостности музыки Блока. Мне же он сказал: «Мы читали в тюрьмах стихотворения Блока эпохи его «Прекр(асной) Дамы». Я не отдам ни одного стихотворения Блока этого периода, так я их люблю. Нет, Блок не Блок без «Прекрасной Дамы»...»

Штейнберг¹⁵² рассказывал Р(азумнику) В(асильевичу) о своих беседах с Блоком обо мне в ночь их ареста, когда они ночевали на одной койке¹⁵³ <...>

Мои встречи с Блоком

Встретились письмами: я написал Блоку, не будучи с ним знаком; и на другой день получил от него письмо; оказывается, он в тот же день почувствовал желание мне написать, не будучи со мною знаком; наша инициатива встретила: наши письма скрестились в Бологом¹⁵⁴. Это было, если память не изменяет мне, в декабре 1902 года, после выхода моей статьи «О формах искусства» в «Мире искусства», так началась наша переписка до личной встречи, которая произошла в 1904 году (в январе), если не в 1903 году в декабре, когда Блоки (А. А. и Л. Д.) приехали в Москву и жили около Спиридоновки в доме Марконет, Владимира Федоровича, в пустой квартире¹⁵⁵. Прожили они более месяца; С. М. Соловьев тогда заболел scarlatinной; в июне 1904 года: я, Петровский и С. М. Соловьев провели дней 10 в Шахматове у Блоков.

В самом начале 1905 года я получил письмо — горячий зов приехать в Петербург от А(лександра) А(лександровича)¹⁵⁶. Блок с женой жил у матери в Гренадерских Казармах на Пет(ербургской) стороне; я остановился в тех же казармах у Эртеля, офицера, служащего в батальоне Кублицкого-Пиоттух, отца Блока; там провел я около 5-и дней в одном корпусе с Бло-

ками; потом бывал у них каждый день, живя у Мережковских (угол Литейного и Пантелеймоновского д(ом) Мурузи). Бывал я главным образом с 2-х до 5—6 часов. Вечера проводил у Мережковских. Тронулся в Москву в день убийства велик(ого) кн(язя) Сергея (а приехал 9-го января)¹⁵⁷. Все время продолжалась моя переписка с Блоком.

Летом в июле 1905 года мы с С. М. Соловьевым опять были в Шахматове (прожили дней 10); тогда впервые наметился раскол и трудные отношения между мной и Блоком с одной стороны, между С. М. Соловьевым и Блоком — с другой.

Вскоре я уехал в Серебряный Колодезь¹⁵⁸, откуда еще переписывался с Блоком (с Любовью Дмитриевной и Ал(ександром) Александровичем); но в сентябре, кажется, 1905 года письменно произошла ссора между нами, которая меня так мучила, что в ноябре 1905 года я поехал в Петроград нарочно иметь объяснение с А. А. и Л. Д.¹⁵⁹ Послал им записку и пригласил приехать в ресторан к Палкину¹⁶⁰, куда они и приехали: мы просидели весь вечер там. И с той поры опять (живя у Мережковских) я каждый день ездил к Блокам; это было время максимальной нашей близости: меня, Саши и Любви Дмитриевны; приехал в Москву в конце декабря, а в самом начале февраля 1906 года опять жил в Петербурге¹⁶¹; тут и началось наше расхождение; было очень трудно; но мы все же встречались с Блоком почти каждый день. Уехал в Москву, кажется, 9 марта¹⁶², а в конце апреля был опять в Петербурге (жил на Невском в меблированных комнатах против Аничкова моста)¹⁶³; тут с Блоком было очень трудно: он уже начинал пить и держал государственный экзамен.

Летом 1906 года переписка главным образом с Любовью Дмитриевной¹⁶⁴, а не с Сашей. В августе Блоки приехали в Москву (Л. Д. и Ал. Ал.) иметь свидание со мной; и объясниться: встреча произошла в ресторане «Прага»¹⁶⁵; из нее ничего не вышло; были вместе не более 5 минут. В сентябре я послал Эллиса как секунданта в Шахматове с вызовом на дуэль Александра Александровича¹⁶⁶. Произошли разговоры, в результате которых я должен был приехать в Петроград; в сентябре я приехал; десять дней прождал приглашения Л. Д. приехать (жил на Караванной¹⁶⁷); Блоки тогда переехали от матери и жили где-то за Каменно-Островским¹⁶⁸; наконец, произошла очень бурная встреча у них на квартире (я, Саша, Л. Д.), после которой я решил броситься в Неву (но помешал туман: не хотел упасть в воду на плоты); а утром явился посыльный от Блоков с просьбой быть; я приехал; и тут, просветленные, мы поговорили; был решен мой отъезд за границу, куда я и отправился в конце сентября (Мюнхен)¹⁶⁹. Из Мюнхена опять рассорился с Л. Д.¹⁷⁰; в результате — болезнь в Париже¹⁷¹. По возвращении в Москву (в марте 1907 года) я почти не переписывался с Блоком; переписывался едко; в августе 1907 года получил от него вызов на дуэль¹⁷²; дуэль не состоялась, но Саша приехал в августе ко мне в Москву, просидел всю ночь, и мы расстались друзьями (утром я его проводил на вокзал)¹⁷³.

В сентябре 1907 года мы съехались в Киеве (на вечере Нового искусства), жили очень дружно, и он меня увез в Петербург, где я примирился с Л. Д., прожил 2 недели, каждый день выдаюсь с Блоком и Л. Д. (жил я в отеле «А Engleterre» на Исаа(киевской площади))

<Далее текст утрачен. Его содержание — отношения Блока и Белого в 1908—1910 гг.>

лекции, в «Мусагете» (устроилось собрание его стихотворений у нас)¹⁷⁴. Между прочим, я свез его к Наташе¹⁷⁵ и Асе на квартиру. Кажется, из Тунисии и Каира я ему писал в 1911 году¹⁷⁶.

Осенью в 1911 году он меня выручил денежно, прислав в самую трудную минуту 500 рублей¹⁷⁷.

В 1912 году мы уехали за границу, и я не переписывался с Блоком. Да: в феврале 1912 года я с Асей был в Петербурге (жил на башне у

Вячеслава Иванова); Блока тогда никто не видел; он был болен да и не хотел ни с кем встречаться (был в порыве мрачности); но прислал мне записку, назначив свидание (секретно) в небольшом ресторанчике, где мы встретились, пообедали и просидели несколько часов (был, между прочим, разговор об Анне Рудольфовне). Я ему рассказал обо всем этом инциденте¹⁷⁸.

Потом мы виделись, когда я проездом в Гельсингфорс был уже в Петербурге с Асей (зимой он сосватал меня с «Сирином»); мы с Асей обедали у него¹⁷⁹. Потом мы уехали и до 1917 <года> не встречались; зимой 1916 года (когда я был в «Д<орнахе>»), он > принял на себя благородную услугу (он всегда был <очень? благо>роден) устроить мой роман отде<льным изданием?> (приготовлял к печати его вместе с Р. <В. Ивановым>)

<Содержание последующих 8 строк рукописи полностью не восстанавливается. Белый сообщает о встречах с Блоком в 1917—1921 гг.>

31 августа.

<Содержание 6 строк полностью не восстанавливается. Белый передает разговор Блока и Иванова-Разумника о связи поэмы «Двенадцать» со «Снежной Маской» в теме «метели».>

<...> маски; на это А. А. ответил: «Да, но это совсем другая метель: то была «Метель», а в «12» уже «мЯтель». Р. В. при этом прибавил, что А. А. часто любил говорить своими словами, краткими определениями: «Что он хотел этим сказать, какую подчеркнуть разницу, — остается для меня неясным и до сих пор»¹⁸⁰. Это — в стиле А. А.: не хотел ли он этим сказать, что метель 1907 года — мЕтущая снег метель, а мЯтель в «12», — мЯтель, приводящее в «смЯтение». Скажут — внешне, а почему знать: «внешнее» иногда внутренней «внутреннего». Так «умные» люди говорят мне: «Извините: но позвольте протестовать против вашего истолкования доминирующей аллитерации III тома стихов Блока на *тр—др*; хорошо, что вы ее вывели, но плохо, что вы ее истолковыва(ете) как «трагедию трезвости»¹⁸¹. Между тем: когда я сообщил А. А. Блоку в 1918 году это свое истолкование, он ужасно обрадовался, встал с места, и, потоптавшись на месте (что он делал, когда что-нибудь <его заденет>), сказал мне: «Ах, Боря, как я рад, что <ты-таки от>метил это, что — «трагедия трезво<сти>», — т. е. он разуме<л> не аллитерацию, а содержа<ние III тома. Стал> быть, он был согласен с моим пониманием <тона III тома: а> ведь монизм формы и содержа<ния есть постулат для такого> истолкования. «Умные» <люди, протестующие против натя>жки, думают, <что это натяжка рассудка; они забы>вают, что <я... тоже немножко> поэт, и что это> сравнение <у меня из нутра>, которое не всем дост<упно>; <...> <мы с А.> А. достаточно говорили на том «своем» жаргоне, о существовании которого не подозревают ли все «ученые специалисты», анализирующие приемы и ритмы наших творчеств. Почему-то да считал меня А. А. себе близким. Я, например, мог бы об одной строчке «Это было в Богемии дальней» рассказать столько, что не хватило бы и 5 печатных листов, чтобы вместить сказанное¹⁸²; я бы смог, например, привести ряд гипотез (и внешних, и внутренних) возникновения этой строки из ассоциаций сознания А. А.; и эти ассоциации привели бы к целой мифологии, о которой почтенные исследователи воскликнули бы: «Бездоказательно, парадоксально и непонятно!» Ну — вот: для них ведь все то, что «катакомбно» связывало нас с А. А., что делало его братом мне (для них, акмеистов, футуристов и декадентов) было бы ведь такую же невнятицей; невнятицей оказалось бы и восемнадцатилетнее знакомство с А. А. Между тем «психологи творчества» и «аналитики приемов» забывают, что *ариаднова нить к душе поэта — душа поэта*: если нет ее, — никакая статистика не поможет. Почему не допустить, что определяя «тр» 3-его тома как «трагедию творчества» я не владею *ключом*, происхождение которого им не понятно, как не художникам; и что лишь

скромность и «*façon de parler*» в данном случае прикрывает «статистикой» вывод, добытый из целины какого-то, им не известного опыта, который делает меня художником, а их — нет. «Катакомба», в которой мы с А. А. встречались, уж конечно же им неизвестна; и не знаю, известны ли им пути к этой катакомбе. Как она называется? Психология творчества. Я, например, знаю происхождение содержания «Петербург» из «л—к—л—пп—пп—лл», где «к» звук духоты, удушения от «пп» — «пп» — давления стен «Желтого Дома»: а «лл» — отблески «лаков», «лосков» и «блесков» внутри «пп» — стен, или оболочки бомбы. «Пл» носитель этой блестящей тюрьмы: Аполлон Аполлонович Аблеухов; а испытывающий удушье «к» в «п» на «л» блестящих есть «К»: Николай, сын сенатора. — «Нет: вы фантазируете!» — «Позвольте же, наконец: Я, или не я писал Петербург?»... — «Вы, но... вы сами абстрагируете!..» — «В таком случае я не писал «Петербург»: нет никакого «Петербург», ибо я не позволяю вам у меня отнимать мое детище: я знаю его с такой стороны, которая вам не снилась никогда¹⁸³. Следовательно, я по аналогии переношу нечто, вам неизвестное, на А. А. И он соглашается со мною: принимает мою аналогию, ибо понимает, откуда она выросла. И как я могу рассказать нечто о «фиолетово-зеленом» Блока и Врубеля, принадлежащем «ехиднину» демону (поняли что-нибудь?)¹⁸⁴, так, будь жив А. А., он мог бы Вам кое-что рассказать, например о моем «сёре» из «Записок чудака»¹⁸⁵, на что вы ему возразили бы: «На каком основании вы приписываете Белому то-то и того?» — Он бы мог вам ответить: «Я Белого знаю. Белый бы не возражал ему...»

Н. А. Павлович принесла мне ряд выписок из «Добротолубия», отчеркнутых карандашом рукою А. А.¹⁸⁶; ряд подчеркиваний характерен; характерен стиль выбора; между прочим в I-ом томе «Добротолубия» в главе «О порочных помыслах» (из Антония Великого) отчеркнуты характеристики *Духа печали* (Лермонтовского и Врубель(евского) «Демона»), сказано: «Все демоны учат душу сластолюбию, один демон печали этого не делает, но устраивает помыслы вступающих в пустынь... Умеренно, впрочем, нападая, он делает отшельника боговкусным... Символом этого духа служит ехидна, которой яд в малом количестве... уничтожает другие яды, а привятый умеренно убивает». Против этой характеристики рукою А. А. сделана пометка: «Этот демон необходим для художника».

Н. А. Павлович мне говорила, что между нею и Блоком была та особого рода дружба, которая не имела ничего романического, основывалась на странной перекличке между ними и на способности ее чутьем доходить до восприятия внутреннего мира Ал. Ал.; он это знал и был с ней во многом созвучен; многие истолковывали их дружбу не так, и потому она, чтобы не было кривотолков, не хочет выступать с своими воспоминаниями об А. А.¹⁸⁷ Я ей посоветовал записывать все о нем не для печати, а для памяти, говоря, что это «внутренне-религиозное» дело. Она рассказала мне о том, что А. А. ей признался, что «мы с ним братья»; ее удивляет, что первая книга, которую я ей подарил летом 1918 года (когда она часто бывала у меня на Садовой¹⁸⁸: мы с ней дружили), была не моя книга, а А. А. Блока (кажется «Стихи о Прекрасной Даме» в издании «Мусagetа») с, по ее словам, милой надписью; точно, по ее словам, я предвидел ее особую встречу с Блоком, или благословил ее на нее; я: «А Саша знал об этом?» Она: «Да, я ему показывала надпись»... Это было в 1920-м году; осенью 1920 года (она познакомилась с А. А. лишь летом 20-го года)¹⁸⁹ по ее словам А. А. был уже в ужасном виде: иногда ему казалось, что все гаснет: раз в разговоре с ней он забегал по комнате и стал восклицать: «Да я — слепну, слепну, сленну!» Н. А. Павл(ович) почему-то казалось, что А. А. умер на рубеже огромного периода в своей жизни, что многое в нем, где-то, в глубине начало заново перестраиваться, но что этого не знали ни его друзья, ни его родственники, ни жена; однажды Н. А. Павл(ович), по ее, из своего сердца, из безобразного увидела неожиданно для себя встающую картину: голову А. А., вперенную

в абсолютную тьму из хаоса; ей показалось, что это(т) образ точная копия, в которой он был в ту эпоху; и она увидела в III части «Возмездия» отзвуки этого мира А. А. Ей показалось тогда, что «Возмездие» некий порог: в зависимости от того, как А. А. справится с ходом поэмы, с тоном поэмы, зависит все его будущее: «Он должен был иначе кончить «Возмездие». Другое должно было в нем прозвучать...» Я: «А скажите, Надежда Александровна, не кажется ли Вам, что это тяжелое стоит в связи, что А. А. до конца жизни предстояло сделать одно узнание, относительно которого он не вполне еще был тверд в смысле духовного опыта?» Н. А.: «Несомненно: он и стоял у порога этого узнания...» Я: «Стало быть: мрак мог быть мраком перед новым утром?» Н. А.: «Да, и на этот раз окончательным». Я: «Несомненно, что у А. А. было верное знание о... ну... о... Богоматери ли, Софии ли (я говорю об разных аспектах того же), но когда благодать инспирации отошла от него, т. е. когда имагинация Прекрасной Дамы явилась уплотнением Той, то по законам развития имагинация должна была изменить. Если бы было у А. А. более конкретное прикосновение к логосической ноте Божественного, не случилось бы этого мрака: переход через порог совершился бы: А. А. открылась бы во второй раз по-иному, уже по Духовному Та, которую он увидел в Духовном Аспекте... Он бы не умер...» Н. А.: «Несомненно».

Я: «Ведь А. А. сам сознавал, что его образ Христа есть или стилизация, или икона, между тем сквозь образ Ее веяло — инспирацией...» Н. А.: «Да, но у него началось именно незадолго до болезни что-то строиться, издалека, из глубины, что подвело бы его ко Христу; он как будто сам что-то чувствовал, но «Возмездие» было ему нельзя продолжать; когда я узнала, что он уже больной опять взялся за «Возмездие», я заплакала и сказала себе: «Он умрет. Это смерть...» Но он же не умер: у меня нет этого чувства: он просто тяжелее перешел через порог, черта могла быть тонкой, прижизненной» (Кстати, мое примечание: «Апостол Павел умирал при жизни, перешел это при жизни — после или до Дамаска»¹⁹⁰. Мига Дамаского у А. А. не было, был другой миг: миг явления Богоматери...) Н. А. Павлович: «Между прочим, мне казалось, что Вы в вашем слове о А. А. одну ногу взяли неверно; это — нота метаморфозы Прекрасного Видения от: «Прекрасной Дамы» через Незнакомку к Проститутке¹⁹¹, между тем как А. А. говорил мне, и это очень-очень важно, уже осенью 1920 года мне вот что: ««Стихи о Прекрасной Даме» — это было мне дано; я знаю, что это были откровения, и что это было подлинно: через меня было сказано, но потом все закрылось; я сам не знаю, что это, но это — из верного источника, от которого я сам отошел. Незнакомка есть уже совсем другое, прямо противоположное, темное; в том — голубое, а вокруг этого — пурпурово-серый круг; я знаю, что «12» вытекли из линии «Незнакомки». А вы, как будто, проводили прямую линию эволюции: нисхождение». Я: «Не совсем так... Я, во-первых, мог ошибиться и в характеристике — помните, что это был экспромт, а, во-вторых, скомкать тему, недосказав многого; я знаю, что нет ретуши в моих словах; с ретушью мной сказанное выглядело бы совсем иначе. Я говорил не о генеалогии всей линии образов непосредственно от Той, которую А. А. называет Она — сверху вниз; я знаю, что Она в первом и последнем счете Богоматерь, София (исторический и сверхвременные аспекты) и что с Нею не имеет ничего общего ни один душевный образ — не только Незнакомки, но и Той Прекрасной Дамы, за которой рыцарь носил покрывало; даже сам обр(аз) Прекрасной Дамы есть «Abbild» (отображение) внутри сферы чистейшего Неба Ее Жизни, т. е., уже атмосферические пары земли, уже пыль (если бы не было паров и пыли, то и зорь бы не было): уже зори — отображение Беззорно-Светящей Безобразности: импульс из этого мира духовно-заобразного мог разуметь А. А., противопоставляя ему Незнакомку; и я с ним согласен: я говорил об изменения(х) материала, отображающего подобия; в этом смысле и «Прекрасная Дамы» уже не «Она», ибо «Она» — Дева; но даже и образ Девы уже подобие, и символ *Купины* более подходит, чем Заря («Дева — Заря — Купина» —

«АЛЕКСАНДР БЛОК УМЕР. 1921 г.»

Рисунок С. В. Чехонина (тушь, белила), 1922

Литературный музей, Москва

т. е. развоплощение образа Девы в символ Зари и развоплощение дальнейшего символа зари, прикрываемое уже аллегорическим знаком Купины, пожалуй, центральная ось — импульса образо-образований всего ряда сгущений); и тут, действительно, была эволюция разложения по законам необходимого устранения имажинации: Прекрасная Дама, как «Дама», какую бы она святостью ни светилась в поэзии А. А., должна была или рассеяться, как последнее розоватое облачко на безобразной лазури Глубины, или сгущаться, плотнеть, свинцоветь, пролиться дождем на землю, стать на земле лужей грязи; и испариться — в бездонное; вот этот-то закон сгущения и разложения имажинации я и прослеживал, а не превращение инспирирующего импульса в ряд дегенерирующих образов: А. А. подчеркивал несоизмеримость силы магнита и железных опилок, располагающихся в узоры: я говорил не о силе, а о разнообразии узоров железных опилок от красивых к некрасивым». Н. А.: А, теперь поняла... Я: «Об этих вещах говорить очень трудно: предметы духовного мира слов не имеют... Кроме того: А. А., подчеркивая тьму своей Незнакомки, как противоположа Купины, мог ошибиться. «Жена, на багряном звере» — одно, а, во-первых: проститутка — иное; и во-вторых: в путях духовного опыта мы часто имеем aberrации: то, что нами воспринимается как ужасное, бесовское, иногда оказывается лишь игрою наших собственных подсознательных сил; одно дело Дракон Последний, Дракон Апокалипсиса, а другое Дракон, как Змеинный Хвост нашего Звериного подсознания; этот Звериный Хвост, например, может быть отображением Зверя, но материя образов, из которого он слагается, может быть вовсе не бесовской, а, например, частями наших тел (физического эфирного) и астрального»¹⁹², полоненных злым импульсом; и надо много верного знания, чтобы различить даже в собственном образе: черный импульс, располагающий материал его в знак зла, от самого материала, который ни добр, ни зол: может быть тем и другим. И я думаю, что у А. А. было смешение в восприятии собственных темных образов — просто теневой стороны своего же света с действующей за тенью злою субстанцией... Впрочем: такие, как А. А., находятся под особым преследованием сил зла; он это — знал; мы даже говорили об этом. С 1909 года я знал сознательно, что он и некоторые числятся в проскрипционном списке представителей темных оккультных обществ; и что его будут стараться устранить, губя и изнутри, и извне... Симптома-

тично, что он умер именно в эти месяцы; у меня есть чувство, что они особенно опасны, ибо идет «свыше» благая помощь, но еще не проникает туманы ночи; силы зла, обитающие среди тумана, теперь особенно стараются спешить с делом своим; если бы А. А. дожил до 1922 года, как знать, может быть, он прожил бы еще 15—20 лет». Н. А.: «Он — хотел умереть». Я: «Знаю: но, — быть может, он поспешил с решением; выдержки он, было бы иначе...» Н. А.: «А скажите, чувствуете ли Вы это преследование себя». (Уже Н. А. в 1918 году, провозжая меня с одной моей лекции, предложила мне этот же вопрос по-иному: «Как вы не боитесь говорить такие внутренние вещи об опыте: ведь это же опасно. Вам не простят темные оккультисты...» Я говорил слишком конкретно о Логосе, строящем мир слова, по ее мнению). Я: «Да, знаю, что целый ряд лиц «на роковой стоит очереди»; но я не спешу с решением: пусть будет, что будет. Да будет воля Твоя...» На этом мы расстались. Я поцеловал Н. А., сказав: «Спасибо вам за Сашу: какая вы хорошая».

Священник Введенский в субботу на панихиде по Блоке в одной из петербургских церквей сказал проповедь: «Блок как рел<игиозный> мыслитель». Виссель, бывшая там, передала мне свои впечатления: «Знаете, — сказала она, — в Вольфиле было сосредоточеннее и в этом смысле религиозней, чем в церкви». Она описала св<ященника> Введенского (бритый, четкий, значительный, весьма светский, приковывающий внимание дам и сыплющий цитатами); вот тезисы проповеди: «А. А. Блок не только рел<игиозный> мыслитель: более того, он, быть может, голос прав<ославной> церкви, сказавший религиозную истину: «Я — малый служитель церкви: мне не много дано». А. А. было дано большое: особый путь, путь, ведущий сквозь светское; он знал все искусства земной жизни: он пленительно изобразил и черную розу, и Аи; но тем значительнее, что он, идя очень редким, тяжелым, крестным путем, сказал Слова, делающие его глашатаем Истины»¹⁹³. Так передавала Виссель слова Введенского; по ее словам выходило, что А. А. Блок в интерпретации св<ященника> Введенского один из водителей правосл<авной> Церкви; он, св<ященник> Введенский, своим церковным авторитетом как бы ручался за это.

Очень характерная проповедь! Или она очень о том, или вовсе мимо. Виссель сказала: «Зачем они модернизируют православие: вместо того, чтобы хранить свое, они у нас берут наше и выдают за свое...»

М. В. Сабашникова, которая опоздала к началу засед<ания> в «Вольфиле», сказала мне, что стечение народу у входа в Географическое общество¹⁹⁴ было огромно: никого не пускали (зал был битком набит); и все-таки стояли и не расходились; и стояли по-хорошему, точно на улице поминая Блока.

Бывший у меня студиец из Литы¹⁹⁵ говорил о двух вечерах памяти Блока, устроенных имажинистами в Москве. На одном Сергей Есенин говорил, что говорить о смерти Блока нельзя: раз, в беседе с Блоком по поводу слухов о разрушенном Кремле¹⁹⁶, Блок сказал Есенину: «Кремля разрушить нельзя: он — во мне, и в вас; он — вечен; а о бранных формах я не горюю». То же применил Есенин о Блоке: он — наш, он — не умирает, он — вечен, а о брennom «Блоке» горевать нечего¹⁹⁷.

На другом вечере был позор: Топорков¹⁹⁸ выставил поэзию Блока, как умершее нечто, как нечто самое вредное, ненужное, тягучее, болезненное: один из тезисов его доклада о Блоке гласил: «Бордельная мистика»...¹⁹⁹ Шершеневич²⁰⁰ ругал публику, что она, когда Блока можно было читать, его не

читала, а когда он выдохся, то считает долгом его «почтить». Хлебников говорил о том, что у Блока поэзия построена на «анний» (стр-анный); и все у него «анное», пейзаж, образы, а у Маяковского на «абр»: Кал-абрия, хр-абрый, кандел-ябри и т. д. Поэзии «-анности» пришла де на смену поэзия футуристического «-абра»; у Блока вместо звучного «-абра» футуристов начинается лишь «бри» (сыр «бри» из Незнакомки)²⁰¹; насколько же «абр» величественнее: «бри»²⁰².

Так московские «поэты» «почтили» Блока!!!...

1 сентября <...>

В первом томе «Добротолюбия» рукой А. А. подчеркнуто из Антония Великого I: 1) «Какая выгода приобретать то, чего не возьмем с собою» (3).

2) «По причине страстей..., мы не можем уже познать красоту и требования нашей духовной природы» (35).

3) «Знайте, что Дух ничем не погашается, как суетными беседами» (41).

4) «Душа, если не воспримет душевной сладости, расти не может» (52).

II) 5) «Свободу и блаженство души составляют настоящая чистота и презрение привременности» (II, 18). «Почитают несчастием потерю денег или детей или рабов, или другого имущества, да ведают, что должно быть довольными тем, что подает Бог» (II, 36).

Состоялось 1-го сент<ября> Заседание Комитета имени А. А. Блока: обсуждались вопросы, связанные со сборником, и план издания полного собрания сочинений...²⁰³

У Л. Д. целая тетрадь редакции А. А. на перевод Гейне Коломийцевым; от многих коломийцевских стихотворений почти ничего не осталось: так по ним прошла рука А. А.²⁰⁴

Оказывается, что в списке рецензий А. А., составленном его рукой, по недоразумению вставлена моя рецензия о «Фейных сказках» Бальмонта. Меня почему-то очень радует эта ошибка²⁰⁵.

Сегодня Л. Д. мне сказала, что я единственный, кто близко знал А. А. в первом его периоде (по поводу обсуждения вопроса о том, что мне сосредоточиться на воспоминаниях о первых годах знакомства).

Видел: издания немецкого перевода выборки стихов А. А.²⁰⁶, итальянского²⁰⁷ и французского²⁰⁸ перевода «12» и парижского русского издания «12» с рисунками Гончаровой²⁰⁹. Говорят, есть «Софийское» издание²¹⁰. В итальянском издании пометка «Canti Bolschevistsky»...

А. А. Кублицкая мне показывала № 2-3 «Записок мечтателей», где рукой А. А. были отмечены места из «Записок чудака». 4 характерных места отчеркнуты: 2 из них о тайном международном О<бщест>ве сыщиков и о развращении сознательном при помощи организации городского разврата²¹¹; когда вчера я писал на этих листках, не ведая о пометках, фразу: «Будь А. А. жив, он мог бы Вам кое-что рассказать о моем «Сёре» из «Зап<исок> чудака», на что вы бы ему возражали бы: «На каком основании..?» и т. д. — то я не знал о том, что отметки А. А. уже рассказали о «Сёре», ибо мой «Сёр» символ Того (Черного), кто за масками сыщиков и всех Правительств (к какой стране они бы ни относились) организует растление лучших человеческих душ... А. А. не мог не знать о «Сёре», ибо «Сёр», вероятно, свою руку приложил к моральным страданиям А. А. ... 3-я отметка его касается моих рассуждений о чтении самой окк<ультных> знаков, что они не фикция, не абстракция, а построение самой жизни («Записи мечтателей», конец стр. 23 и начало стр. 24 до многоточия)²¹².

4-я отметка на стр. 52²¹³, где герой вспоминает об эвритмич<еской> постановке «Фауста» и об режиссировании Р. Штейнером этой сцены боя Мефистофеля с ангелами (над телом Фауста); отметка могла быть сделана в тroyком смысле: 1) А. А. Блок мог и Рудольфа Штейнера отнести к линии организаторов «черной мистерии», а меня рассматривать как попавшегося на Лудочку: он очень недоверчиво относился к Штейнеру; в 1913 году весной

он нам с Асей сказал, что не сомневается в ослепительной гениальности человеческих проявлений Штейнера, но тем более у него оснований ему не доверять, ибо все «ослепительно-гениальное» в настоящее время от Антихриста. — «Это-то вот и страшно мне в нем, — сказал он, — потому что, знаешь ли, Боря, я думаю, что сейчас все гениальное от зла...»

2) Отметка этого места Записок Чудака могла значить и другое: А. А. мог отметить опять-таки факт, что Р. Штейнер немимым знаком предупреждает героя повести о будущей его встрече с «чертиком», заранее своею игрой рисуя мимику зла, по которой герой мог бы в своем одиночестве разбираться в знаках (в таком случае отметка соответствовала бы смыслу моей повести).

3) А. А. мог отметить это место, потому что тут упоминается о Фаусте: оказывается Фауст в последние года ему был ближе и ближе, как и Гёте вообще ²¹⁴.

Р. В. Иванов, возвращаясь с заседания, рассказал мне о его разговоре об А. А. с лицом, которое не хочет разглашать своего имени, об одном разговоре этого лица с А. А.: А. А. признавался этому лицу, что он считает единственной своей подлинной книгой «Стихи о Прекрасной Даме», все остальное — только де «так»... (Разумеется, это не так: III том безмерно значительней).

Возвращаясь с Р. В. Ивановым и Д. М. Пинесом ²¹⁵ от Блоков, мы говорили о том, прав ли я был или нет, рассматривая эволюцию образов поэзии А. А. и включая в один ряд Прекрасную Даму, Незнакомку и т. д. В предисловии к последнему изданию (еще готовящемуся) своих стихов А. А. резко указывает на невозможность проведения такой прямой линии, а в более ранних предисловиях («Мусагетского» издания и издания «Золотого руна» его «Земля в цветугу») говорится вовсе не то: и приводится связь образов «Прекрасной Дамы» с Незнакомкой и Россией ²¹⁶. Р. В. утверждает, что сам А. А. мог тут до конца точно не знать, а с его точки зрения я прав.

А. А. Кублицкая, показывая мне упомянутое последнее предисловие, сказала мне: «Если бы вы его прочли, вы не сказали бы того, что сказали». Я ей возразил: «Вероятно, но я продолжал бы даже с А. А. спорить, ибо я как раз в 1908 году утверждал то, что А. А. в 1920, а тогда А. А. готов был не соглашаться со мною; теперь же роли наши переменялись». Он утверждает мои утверждения прежних лет, а я от них во многом отказываюсь, ибо за это время многое мне стало в этом вопросе не так просто. Ведь именно в этом пункте мы некогда так разошлись. Тут я прибавил, что готов и отказаться от своего утверждения; просто у меня есть несколько тут гипотез. И все лишь «рабочие»: крепко принципиального ничего нет в плоскости литературной (как антропософ же я знаю одно: *разложение* образа «Прекрасной Дамы» должно было быть по законам духовным: *разложение* или — *сознательное упразднение*; последнее вряд ли было: если бы оно имело место, то А. А. не мог бы не прийти к оккультной школе (йогической, православной или «духовного знания»...).

На заседании сегодняшнего Комитета были: А. А. Кублицкая, Л. Д. Блок, Р. В. Иванов, Алянский, Пинес, я (Щеголева опять не было); присутствовали Е. Ф. Книпович и М. А. Бекетова.

3 сентября. Мой слушатель из Лито — Гутман ²¹⁷, проездом в Петербурге рассказывал мне, как Брюсов встретил известие о смерти А. А. Блока. Гутман, встретивши Брюсова, кажется в Лито, взволнованно передал ему известие о кончине А. А. ... Брюсов, рассеянно оторвавшись от дел, удивился этому известию; на лице его не выразилось никакой печали; он только удивился этому известию, высказал сожаление, а потом, как бы отмахиваясь

от Гутмана и известия, что-то такое пробормотал, долженствующее означать: «А впрочем, это — не важно»: Среди других де событий и забот времени, что такое смерть Блока: умер де и умер... Таков нюанс принятия известия о кончине поэта подсмотрел в Брюсове Гутман. После того, перед лекцией Брюсова в Лито, студийцы условились между собою, чтобы просить Брюсова сказать несколько слов о значении А. А. в русской поэзии; они просили Гутмана обратиться к Брюсову с этим; но Гутман, вспоминая ту небрежность, с которою Брюсов встретил известие о кончине Блока, отклонил их просьбу; студийцы тем не менее обратились; Брюсов согласился, но сказал, что эта просьба застигает его врасплох не подготовленным, но что он все-таки может кое-что сказать о Блоке. И вот что он, приблизительно, сказал (в передаче Гутмана): «Да, Блок большой поэт, но большой поэт в потенции, не выявивший своей величины в строчках и строфах (выходит, что в выявлении Блок поэт не большой); правда, он был в выявлении в общем и хорошим поэтом; у него внимательная отделка строк, особенно во втором периоде, в периоде «Неч(аянной) Радости», но... все это еще не делает его большим и великим; и не напиши Блок «Стих(ов) о Прекр(асной) Даме», технически вовсе слабых, но потенциально насыщенных «большой» нотой поэзии, от него вообще ничего бы особенного не осталось, ибо Блок, как поэт воплощенный в строчки, будучи вообще поэтом «хорошим», обладает, однако, рядом крупных недостатков и несовершенств... — таково резюме этого поминовения Брюсовым Блока ²¹⁸.

«Дом Печати» устраивал вечер памяти Блока, на котором должны были выступить Луначарский, Брюсов и некоторые из ²¹⁹ <далее текст утрачен>

6 сентября. Доклад А. А. «Крушение гуманизма» был написан в 1918 году, осенью, под впечатлением германской революции ²²⁰; <...> Доклад был прочитан для «Всемирной Литературы»: в присутствии М. Горького, академика Ольденбурга ²²¹, покойного Ф. Батюшкова ²²², Волынского, покойного Гумилева, Тихонова ²²³, Р. В. Иванова (нарочно приглашенного), профессора Брауна ²²⁴, Чуковского и др. Впечатление от доклада было очень неблагоприятное; «старики» нахмурились; Горький говорил, что никакого крушения гуманизма нет; все это бредни, а есть другая опасность: мужик идет на культуру городов, которую мы, интеллигенция, должны защищать ²²⁵; Р. В. говорил, что не соединяться вокруг абстрактных лозунгов культуры должны мы, а разъединяться и выявлять все наши различия. Говорили, по словам Р. В., много вздор. Покойный Гумилев, которого поразило, до чего говорили не на тему доклада, подошел к А. А. и говорил ему, что лучше бы ему, А. А., вместо того, чтобы тратить время на эти споры, заняться бы ритмикою стиха. Собрались на квартире А. Н. Тихонова. Когда открылась В. Ф. А., то доклад этот был зачитан в первом заседании. Повестки на заседание были разосланы некоторым посторонним, между прочим и Горькому; повестку от В. Ф. А. подали Горькому на заседании «Всемирной литературы», на котором присутствовал и А. А.; покойный А. А., смеясь, рассказывал Р. В., что Горький, не зная, что А. А. узнал повестку «Вольфины» в руках у Горького, извещавшую о чтении доклада в «Вольфиле», сердито посмотрел на А. А. и разорвал повестку в мелкие клочки.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В оригинале Белый ошибочно указал: «8-го августа». Сбивчивость в числах характерна и для последующих авторских датировок этого дневника.

² Самуил Миронович Алянский. См. о нем: С. В. Белов. Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С. М. Алянского. Л., 1979 и его же сообщение в кн. 4 наст. тома. В последние недели жизни Блока Алянский был единственным человеком (если не считать членов семьи), которому было разрешено постоянно навещать больного поэта: «Один С. М. Алянский, — свидетельствует М. А. Бекетова, — имел счастливое свойство действовать на Ал. Ал. успокоительно, и потому доктор позволял ему иногда навещать больного. Остальные друзья лишь справлялись о здоровье Ал. Ал.» (М. А. Бекетова.

Александр Блок. Биографический очерк. Пб., «Алконост», 1922, с. 296). См. главу «Последние месяцы жизни Блока» в книге воспоминаний С. М. Алянского «Встречи с Александром Блоком» (М., 1969, с. 139—155).

³ Лечивший Блока специалист по внутренним болезням Александр Георгиевич Пекелис, по словам М. А. Бекетовой, «человек очень знающий, умный и в высшей степени культурный и просветенный» («Александр Блок. Биографический очерк», с. 295) — писал в «Краткой заметке о ходе болезни А. А. Блока» о начальных симптомах заболевания: «Впервые я был приглашен к А. А. весной 1920 г. по поводу лихорадочного недомогания. Нашел я тогда у него инфлуэнцу с легкими катаральными явлениями, причем тогда же отметил невроз сердца средней степени (легкая аритмия, незначительное увеличение поперечника). Процесс закончился, но еще некоторое время продолжались немотивированные колебания температуры по вечерам (так называемый послегриппозный «хвост»). Это было в апреле 1920 года» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, ед. хр. 11; ср.: «Голос России», 1921, № 1025, 6 августа). Пекелис следил за состоянием здоровья Блока и в последующие месяцы (см., например, запись Блока от 31 декабря 1920 г. — ЗК, 511).

⁴ Среди документов Вольной философской ассоциации («Вольфила») сохранилось объявление о том, что в воскресенье 7 августа 1921 г. состоится 80-е открытое заседание: «Беседа о Геге». Докладчики Д. Д. Михайлов и Л. В. Пумпянский. Начало в 2 1/2 часа дня» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, ед. хр. 8, л. 37).

⁵ Ольга Дмитриевна Форш (1873—1961) поддерживала дружеские отношения с матерью Блока и его теткой М. А. Бекетовой (см. ЗК, 257, 277, 510—511); она была постоянной участницей заседаний Вольной философской ассоциации, вела там кружок по теории творчества, выступала с докладами (см.: Н. Гаген-Торн. О встречах с Ольгой Дмитриевной Форш. — В кн.: «Ольга Форш в воспоминаниях современников». Л., 1974, с. 123—124). 24 октября 1921 г. она выступила в «Вольфиле» с докладом «Данте, Достоевский, Блок» (сохранилась запись прений по докладу — ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 159); в том же году ею была написана работа «О Прекрасной Даме» (см.: А. Тамарченко. Современница трех литературных поколений. — В кн.: «Ольга Форш в воспоминаниях современников», с. 358—362). Два варианта машинописного текста «О Прекрасной Даме» сохранились в архиве О. Д. Форш (ИРЛИ, ф. 732, оп. 1, ед. хр. 252). В романе Форш «Сумасшедший корабль» (1931) Блок выведен в образе Гаэана.

⁶ Первое публичное заседание ассоциации открылось 16 ноября 1919 г. докладом Блока «Крушение гуманизма».

⁷ Андрей Белый не присутствовал на заседании «Вольфила» 7 августа. В эти дни он жил в Детском Селе в доме Иванова-Разумника, который сообщил ему о случившемся. Восстановить отчасти содержание несохранившихся фрагментов записей Белого позволяет его письмо к В. Ф. Ходасевичу, датированное 9 августа 1921 г., но, судя по ошибочному указанию в нем дня смерти Блока и намеченного дня похорон (в обоих случаях — на день позже), написанное 8 августа (ср. прим. 1). Оно было послано Ходасевичу в Порховский уезд Псковской губернии в ответ на просьбу известить его о ходе болезни Блока. Отдельные фразы письма Белого почти дословно совпадают с его дневниковыми записями от 8 августа:

«9 августа 1921 года.

Дорогой Владислав Фелицианович,

приехал лишь 8 августа из Царского: застал Ваше письмо. Отвечаю: — Блока не стало. Он скончался 8 августа в 11 часов утра после сильных мучений: ему особенно плохо стало с понедельника. Умер он в полном сознании. Сегодня и завтра панихиды. Вынос тела в среду 11-го в 10 часов утра. Похороны на Смоленском кладбище.

Да!...

Эта смерть для меня — роковой часов бой: чувствую, что часть меня самого ушла с ним. Ведь вот: не видались, почти не говорили, а просто «бытие» Блока на физическом плане было для меня, как орган зрения или слуха; это чувствую теперь. Можно и слепым прожить. Слепые или умирают или просветляются внутренно: вот и стукнуло мне его смертью: пробудись, или умри: начнись или кончись.

И встает: «быть или не быть».

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть или любить...

Дельвиг

И душа просит: любви или гибели: настоящей человеческой, гуманной жизни, или смерти. Орангутангом душа жить не может. И смерть Блока для меня это зов «погибнуть или любить».

Он был поэтом, т. е. человеком вполне; стало быть: поэтом любви (не в пошлом смысле). А жизнь так жестока: он и задохся.

Эта смерть — первый удар колюкола: «поминального», или «благовестящего». Мы все, как люди вполне, «на роковой стоим очереди»: погибнуть, или... любить» Душой с Вами. Б. Бугаев». (Владислав Ходасевич Три письма Андрея Белого. — «Современные записки», LV. Париж, 1934, с. 257—258). 3 письма цитируются первые строки «Элегии» (1821 или 1822) Дельвига (А. А. Дельвиг. Полн. собр. стихотв. Л., 1959, с. 159) и заклю-

чительная строка стихотворения Тютчева «Брат, столько лет сопутствовавший мне...» (1870) (в оригинале: «На роковой стою очереди»). — Ф. И. Т ю т ч е в. Лирика, т. 1. М., 1965, с. 224).

⁸ В Каире Андрей Белый был в начале 1911 г., во время своего путешествия по Средиземноморью (см. его путевые заметки «Египет» — «Современник», 1912, № 5, 6, 7). В Дорнахе (Швейцария) он жил в 1914—1916 гг., где под руководством Р. Штейнера участвовал в строительстве антропософского центра — «Гетеанума».

⁹ Сергей Михайлович Соловьев. См. переписку Блока с ним в кн. 1 наст. тома.

¹⁰ Со стихами юности Блока Андрей Белый впервые познакомился в конце августа — начале сентября 1901 г. Переписка между Блоком и Белым началась в январе 1903 г., а личное знакомство состоялось в Москве в январе 1904 г.

¹¹ Музыка Роберта Шумана вошла в сознание Белого в начале 1900-х годов, благодаря, в основном, общению с семейством Метгеров — прежде всего с Э. К. Метгером и его братом, композитором Н. К. Метгером (Андрей Б е л ы й. Начало века. М.—Л., 1933, с. 82—83, 307). Тема Шумана для Белого — «трагическая до безумия романтика реализма» (Андрей Б е л ы й. Воспоминания о Штейнере, гл. 5.— ГБЛ, ф. 25, карт. 4, ед. хр. 2). «Я прошел сквозь болезнь, где упали в безумии Фридрих Ницше, великопейший Шуман и Гельдерлин», — замечает Белый об одном из этапов своей внутренней жизни (Андрей Б е л ы й. Записки чудака, т. 2. М.—Берлин, «Геликон», 1922, с. 235—236).

¹² Важнейшие произведения Джона Мильтона (1608—1674) — поэмы «Потерянный Рай» и «Возвращенный Рай», драматическая поэма «Самсон-борец» — были созданы после того, как поэт полностью ослеп (в 1652 г.).

¹³ Строка из стихотворения Блока «Рожденные в года глухие...» (1914; III, 278).

¹⁴ Вячеслав Иванов.

¹⁵ В выступлениях на 83-м заседании «Вольфилов», состоявшемся 28 августа 1921 г. и посвященном памяти Блока, Иванов-Разумник говорил в связи с этим: «Быть может, было правдиво наше первое чувство, когда мы было решили не устраивать никаких заседаний «памяти Блока», предоставив это тем, кто может теперь о Блоке говорить спокойно. Я говорю — быть может, это первое чувство было правдивым, но обстоятельства заставили нас от него отказаться: не успел Блок умереть, как справа и слева — или, вернее: справа и слева — стали раздаваться всякие случайные голоса, которые хотели из Блока сделать свое знамя — даже не знамя, а какой-то боевой вымпел. Мы же — твердо верим, что Блок есть знамя целой эпохи, и знамя только самого себя; и литературным и политическим партиям, желающим причислить его к себе, надо с самого же начала сказать — руки прочь!» («Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг». Пб., 1922, с. 54).

¹⁶ Дом искусств — организация работников искусств, основанная в Петрограде в декабре 1919 г. (Мойка, 59). Андрей Белый выступал на «вечерах» «Дома искусств» и участвовал в работе его литературной студии (читал курс «Ритмика»).

¹⁷ Дом литераторов — организация взаимопомощи литераторов, существовавшая в Петрограде с 1 декабря 1918 по ноябрь 1922 г. (Бассейная ул., 11), занимавшаяся вопросами материального обеспечения литераторов, а также культурной деятельностью — организацией лекций, выступлений писателей и т. п. Блок входил в состав Комитета, возглавлявшего Дом литераторов. 13 февраля 1921 г., в 84-ю годовщину смерти Пушкина, он выступил в Доме литераторов с речью «О назначении поэта». См.: И. Ф. М а р т ы н о в, Т. П. К л е й н. К истории литературных объединений первых лет Советской власти (Петроградский Дом литераторов. 1918—1922). — «Русская литература», 1971, № 1, с. 125—134.

¹⁸ Ср. письмо Иванова-Разумника к Андрею Белому от 26 ноября 1923 г., в котором он вспоминает о дне смерти Блока: «Помните, в день его смерти я вернулся в Царское Село к вечеру, — и почти всю ночь просидели мы втроем, часто без слов, без разговоров. Разошлись поздно, порешивши: годы посвятить памяти Блока» (ГБЛ, ф. 25, карт. 16, ед. хр. 66).

¹⁹ «Спартак» — гостиница, в которой Андрей Белый жил в Петрограде в 1921 г.

²⁰ София Гитмановна Каплун (1901—1962) — заведующая кружками «Вольфилов» (о ее обязанностях в списке служащих ассоциации сказано: «ведет запись, присутствует на заседаниях кружков, разрабатывает анкетные данные» — ИРЛИ, ф. 79, оп. 5, ед. хр. 15, л. 10—11). Часто общалась с Блоком в последние два года жизни поэта. 5 писем С. Г. Каплун (1920—1921) сохранились в его архиве (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 38). Впоследствии — жена поэта С. Д. Спасского.

²¹ Надежда Александровна Павлович. См. о ней в наст. кн., с. 411—412.

²² Александр Иванович Гиньяков (псевд. Одинокый; 1886—1934) — поэт и критик, в 1900—1910-е годы близкий к кругу символистов. Опубликовал заметку «Памяти Александра Блока» («Красный балтиец», 1921, № 7, с. 31—32; подпись: Герасим Чудаков).

²³ Юрий Павлович Анненков (1889—1974) — художник, иллюстрировавший поэму Блока «Двенадцать» (Александр Б л о к. Двенадцать. Поэма. Рисунки Ю. Анненкова. Пб., «Алгоност», 1918; два изд.). См.: С. М. А л ь н с к и й. Об иллюстрациях к поэме А. Блока «Двенадцать». — В кн.: «Блоковский сб.», с. 443—444. «Я провел наедине с трупом Блока не менее двух часов. — пишет Анненков в мемуарном очерке «Александр Блок», — в его квартире на Офицерской улице. Сначала я плакал, потом рисовал его

портрет. Перемена была чрезвычайна. Курчавый ореол волос развился и тонкими струйками прилип к голове, ко лбу. Всегда выбритое лицо было завуалировано десятидневной бородой и усами. Перед положением в гроб Блока побрили. На подушке были вышиты красным две буквы: А. Б.» (Юрий А н е н к о в. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Т. I. New York, 1966, с. 95). Анненковский портрет Блока на смертном одре воспроизведен в кн.: Юрий А н е н к о в. Портреты. Пб., «Петрополис», 1922, с. 163.

²⁴ Анна Ивановна Менделеева (урожд. Попова; 1860—1942) — вторая жена Д. И. Менделеева, мать Л. Д. Блок, художница-любительница. Ее рисунок М. А. Бекетова считает лучшим изображением мертвого Блока («Александр Блок. Биографический очерк», с. 303—304).

²⁵ Ср. воспоминания Н. А. Павлович: «Придя утром 8 августа, я увидела это новое выражение лица покойного. Оно стало спокойным и более кротким. Казалось, что Александр Александрович спит. Потом лицо опять стало меняться, приобрело странное сходство с лицом его друга и издателя С. М. Алянского, сильнее проступили черты болезни, а на 3-й день началось тление, и перед нами лежал труп» («Блоковский сб.», 1, с. 496). Н. Н. Берберова в своих воспоминаниях свидетельствует: «Он больше не похож ни на портреты, которые я храню в книгах, ни на того, живого <...>, волосы потемнели и поредели, щеки ввалились, глаза провалились. Лицо обросло темной, редкой бородой, нос заострился. Ничего не осталось, ничего. Лежит «незнакомый труп». Руки связаны, ноги связаны, подбородок ушел в грудь» (Н. Берберова. Курсив мой. Автобиография. München, Wilhelm Fink Verlag, 1972, с. 142). Ср. описание Блока на смертном одре в «Дневнике в стихах» (1950) Н. А. Оцупа:

Я склонился над его лицом:
Мучеников так изображали
На безжалостных полотнах: нос
Желтый, острый, выступили скулы.
И на них железный волос рос.

Хищно обнаженный зуб акулы
На прикушенной чернел губе.
Человек сторел, а нес в себе
Музыку небесную...

(Цит. по кн.: Николай О ц у п. Литературные очерки. Париж, 1961, с. 62).

²⁶ Откликом на смерть и похороны Блока является стихотворение Ахматовой «А Смоленская нынче именинница...» (Анна А х м а т о в а. Anno Domini MCMXXI, Пб., «Петрополис», 1922, с. 24; Анна А х м а т о в а. Стихотворения и поэмы. (Библиотека поэта, большая серия). Л., 1976, с. 171—172, 474). «До сих пор лучше, что сказано о Сахе, сказала в пяти строках Анна Ахматова. Вы верно уже знаете эти пять строк...», — писала 5 сентября 1921 г. А. А. Кублицкая-Пиоттук Н. А. Нолле-Коган об этом стихотворении, имея в виду его последние пять строк, получившие в первые дни после похорон Блока широкую известность (ЦГАЛИ, ф. 237, оп. 2, ед. хр. 259). Ахматовой принадлежит также очерк «Воспоминания об Александре Блоке» (Анна А х м а т о в а. Стихи и проза. Л., 1976, с. 555—558). См. статью В. М. Жирмунского «Анна Ахматова и Александр Блок» (В. М. Ж и р м у н с к и й. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977, с. 323—354).

²⁷ О конфликтах между женой и матерью поэта, сильно повлиявших на его усугублявшуюся мрачность, см.: Н. В. Л о щ и н с к а я. Блок и его родные. Последние годы. По архивным материалам. — «Новый мир», 1980, № 11, с. 250—254.

²⁸ О Любови Александровне Дельмас см. в наст. кн., с. 64—67.

²⁹ Александра Лазаревна Векслер (1901—?) — тогда студентка, инструктор секции Народных университетов Наркомпроса, заведующая канцелярией «Вольфильм», заведующая кружками ассоциации (после С. Г. Каплуна). Позднее — критик (ее статья «Эпопея “Андрея Белого” опубликована в сб.: «Современная литература». Л., «Мысль», 1925, с. 48—75).

³⁰ Константин Александрович Сюннерберг (псевд. Конст. Эрберг; 1871—1942) — теоретик искусства, художественный критик, поэт, переводчик, один из организаторов «Вольфильм». См. его воспоминания о Блоке и письма Блока к нему в кн.: «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год». Л., 1979, с. 116—123, 147—158.

³¹ В. Н. Княжнин (псевд. Владимира Николаевича Ивойлова) — поэт, критик, историк литературы. См. о нем в наст. кн., с. 84—85.

³² Артур Сергеевич Лурье (1893—1966) — композитор. В ноябре 1921 г. Лурье выступал в «Вольфильм» с докладом «На распутье», в котором охарактеризовал смерть Блока как событие, «имеющее неизмеримый смысл для существа всей русской культуры и для передового русского общества»; в нем он коснулся также содержания музыкальной темы в творчестве и мирозерцании Блока. См.: Артур Л у р ь е. На распутье. (Культура и музыка). — В кн.: «Стрелец». Сборник третий и последний. СПб., 1922, с. 146—152.

³³ Виктор Максимович Жирмунский (1891—1971) — историк литературы, филолог-германист, впоследствии — академик. Вместе с Блоком работал в издательстве «Всемирная литература». По поводу статьи Жирмунского «Гейне и романтизм» в издательстве вспыхнула полемика, в связи с которой была написана статья Блока «О иудаизме у Гейне» (VI, 144—150, 511—513). Жирмунскому принадлежит книга «Поэзия Александра Блока» (Пб., «Картонный домик», 1922; впервые напечатана в составе сборника «Об Александре Блоке». Пб., «Картонный домик», 1921) и последнее исследование «Драма Александра Блока «Роза и Крест». Литературные источники» (Л., 1964).

³⁴ Либо Сергей Игнатьевич *Бернштейн* (1892—1971) — филолог-славист, лингвист-фонолог, в августе — сентябре 1921 г. написавший статью «Голос Блока» (опубликована посмертно: «Блоковский сборник», 2, с. 454—525), либо его брат Игнатий Игнатьевич *Бернштейн* (псевдоним — И. Ивич, 1900—1979) — писатель, руководитель издательства «Картонный домик». В очерке «Мои встречи с Блоком» С. И. Бернштейн писал о смерти поэта: «На следующий день я был у него на квартире. В гробу он не был похож на свои портреты, его лицо выражало только глубокую апатию, полную душевную опустошенность» («День поэзии. 1964». Л., 1964, с. 184).

³⁵ Клара Гитмановна *Иструж*, сестра С. Г. Каплун.

³⁶ Варвара Николаевна *Иванова* (1877—1946) — жена Р. В. Иванова-Разумника, бухгалтер «Вольфилов», член-соревнователь ассоциации.

³⁷ Елена Юльевна *Фезнер* (род. в 1900 г.) — член-соревнователь «Вольфилов», студентка Института истории искусств, позднее — искусствовед.

³⁸ Екатерина Юстовна *Виссель* — член-соревнователь «Вольфилов».

³⁹ Надежда Михайловна *Меринг* — член-соревнователь «Вольфилов», вела протоколы заседаний ассоциации; позднее — педагог.

⁴⁰ Маргарита Васильевна *Сабашникова* (в замужестве Волошина; 1882—1973) — художница, поэтесса, первая жена М. А. Волошина. В своих воспоминаниях описала похороны Блока (Margarita Woloschin. Die grüne Schlange. Lebenserinnerungen. 4 Auflage. Stuttgart, <1968>, S. 342).

⁴¹ Лев Александрович *Бруни* (1894—1948) — художник, график, и его жена Нина Константиновна *Бальмонт-Бруни* (род. в 1901 г.) — дочь К. Д. Бальмонта и Е. А. Бальмонт. По воспоминаниям Н. А. Павлович, «мертвого Блока писали художники: Лев Бруни, Анна Ивановна Менделеева <...>» («Блоковский сб.», 1, с. 496). Рисунок Л. А. Бруни ныне хранится в коллекции Н. П. Ильина. В письме к К. М. Симонову от 16 декабря 1978 г. Н. К. Бальмонт-Бруни вспоминает: «Когда мой муж, Лев Александрович Бруни, узнал о смерти Блока <...>, мы пошли утром на его квартиру; Лев Александрович не взял с собой ни альбома, ни карандашей, так как он был в большом горе (он знал и очень любил Александра Александровича). Когда мы пришли, в комнате были мать и жена Блока, Анна Андреевна Ахматова (вся в черном) и еще незнакомый нам человек. Не помню, сколько мы там пробыли, Анне Андреевне стало дурно, она постоянно на деревянной лестнице, прислонившись к колоннице мелко наколотых дров, и тот человек ушел с нею. Мать и жена Блока ушли в другую комнату, за ситцевой занавеской. Лев Александрович огляделся, подошел к письменному столу (у окна), взял из деревянного стаканчика синий карандаш, а со стола — картонку от блокнота с последним (приклеенным) листом полуватмана. Я помню, что на обратной стороне картонки была наклеена белая этикетка с надписью в овале «Frankfurt». Лев Александрович встал в изголовье (сбоку) и стал рисовать, изредка он вытирал набегавшие слезы правой рукой, в которой был карандаш. Потом мы ушли». (Текст письма любезно сообщен нам А. Е. Парнисом).

⁴² Как председатель «Вольфилов» Белый обладал правом подписи официальных бумаг.

⁴³ Из последней поездки в Москву Блок вернулся в Петроград 11 мая 1921 г.

⁴⁴ В «Краткой заметке о ходе болезни А. А. Блока», датированной 27 августа 1921 г., А. Г. Пекелис писал: «В мае текущего года я снова увидел А. А. Он рассказал о своей поездке в Москву и о недомогании там, которое, по его словам, выражалось слабостью, болями в ногах, головной болью и вообще лихорадочным состоянием. Пришлось даже обращаться к местному врачу. При исследовании я обнаружил следующее: температура 39, жалуются только на общую слабость и тяжесть головы; со стороны сердца увеличение поперечника влево на палец, и вправо на 1½, шум не резкий у верхушки и во 2-м межреберном промежутке справа, — аритмия не было, отеков тоже. Со стороны органов дыхания и кровообращения ничего существенного не обнаружено. Тогда же у меня явилась мысль об остром эндокардите как вероятном источнике патологического процесса, быть может, в непосредственной связи с наблюдавшимся у больного в Москве заболеванием, по-видимому, гриппозного характера. Принятые меры не дали, однако, улучшения, процесс заметно прогрессировал; помимо этого, стали обнаруживаться еще и тягостные симптомы значительного угнетения нервно-психической сферы. По моей инициативе была соведена консультация при участии проф. Н. В. Троицкого и д-ра Э. А. Гизе, признавших у больного наличие острого эндокардита, а также и психастению. Назначено строгое постельное содержание вплоть до общего улучшения <...> Отеки медленно, но стойко росли, увеличивалась общая слабость, все заметнее и резче проявлялась ненормальность в сфере психики, главным образом, в смысле угнетения; иногда, правда, бывали редкие светлые промежутки, когда больному становилось лучше, он мог даже работать, но они длились очень короткое время (несколько дней). Все чаще овладевала большим апатия, равнодушие к окружающему. <...> Все предпринимавшиеся меры лечебного характера не достигали цели, в последнее время больной стал отказываться от приема лекарств, терял аппетит, быстро худел, заметно таял и угасал, и при все нарастающих явлениях сердечной слабости, тихо скончался» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, ед. хр. 11). Ср. описание предсмертной болезни Блока в книге М. А. Бекетовой «Александр Блок. Биографический очерк» (с. 293—302) и в мемуарных набросках Л. Д. Блок от 24 и 29 сентября 1921 г. («Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 1. М., 1980, с. 185—187).

⁴⁵ Эта записка Блока к Иванову-Разумнику не сохранилась (см. наст. т., кн. 2, с. 413—414).

⁴⁶ Речь идет о Е. Ф. Книпович.

⁴⁷ В оригинале у Белого дата: «10-го августа». Думается, что это ошибка, так как 10 августа состоялись похороны Блока: Видимо, Белый сделал эту запись вечером 9 августа (надо полагать, что предыдущая запись занесена утром того же дня). Запись Белого в день похорон соответственно неправильно датирована 11 августа.

⁴⁸ Весной 1921 г. М. С. Шагинян совместно с А. А. Блоком редактировала перевод «Кольца Нибелунгов» Р. Вагнера, выполненный Свириденко (см. письма к ней Блока об этом. — «Новый мир», 1978, № 9, с. 207—208). По совету С. М. Алянского Шагинян послала Блоку свои пьесы «Дом у дороги», «Самопознание», «Чудо на колокольне», «Истинно-Суженый», «Разлука по любви», «с замаскированной проблематикой октября, пронизанные духом (...) религиозного большевизма» (Мариэтта Шагинян. Человек и время. Воспоминания, ч. 7. — «Новый мир», 1978, № 9, с. 207, 210). Судя по дневниковой записи от 25 мая 1921 г., пьесы Блоку понравились (VII, 421). 22 мая 1921 г. он обратился к Шагинян с письмом (о нем идет речь в записи Белого), содержащим отзыв об этих пьесах (VIII, 536). Блок был инициатором напечатания одной из пьес Шагинян («Чудо на колокольне») в «Записках мечтателей» (№ 5. Пб., «Алконост», 1922, с. 63—81). Ответное письмо Шагинян «лично спесла» Любови Дмитриевне, однако, судя по воспоминаниям писательницы, подкрепленным словами С. М. Алянского, оно не было передано поэту («Новый мир», 1978, № 9, с. 211).

⁴⁹ В «Правде» в этот день было помещено лишь краткое извещение: «Петроград, 8 августа. Вчера утром скончался поэт Александр Блок» (1921, № 174, 9 августа, с. 1). Белый, определено, имеет в виду заметку «Смерть поэта А. Блока» в «Петроградской правде» (1921, № 165, 9 августа, с. 1), в ней о творчестве Блока сказано: «Покойному принадлежит поэма «Двенадцать», посвященная первым дням Октябрьской революции».

⁵⁰ Приводим текст печатного объявления-афиши о смерти и похоровах Блока (тираж 500 экз.): «Дом ученых, Дом ученых, Дом литераторов, Государственный Большой драматический театр, Издательства: «Всемирная литература», Гржебина и «Алконост» извещают, что 7-го Августа в 10 1/2 часов утра скончался Александр Александрович БЛОК. Вынос тела из квартиры (Офисерская, 57, кв. 23) на Смоленское кладбище состоится в среду 10 августа, в 10 часов утра».

⁵¹ «Институт живого слова» — педагогическое и научно-исследовательское учреждение в Петрограде (1918—1924), стоявшее у истоков советского специального образования в области театрального и ораторского искусства. Четверг — 11 августа.

⁵² Видимо, Георгий Яковлевич Змеев (род. в 1904 г.) — статистик, член-соревнователь «Вольфилы».

⁵³ Павел Елисеевич Щеголев (1877—1931) — историк, литературовед, публицист, близкий знакомый Блока.

⁵⁴ Евгений Павлович Иванов — литератор, ближайший друг Блока.

⁵⁵ Михаил Леонидович Лозинский (1886—1955) — поэт, переводчик. Входил в президиум Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов в пору, когда Блок был в нем председателем. «Блок высоко ценил его переводы, говорил об их благородном мраморе, — свидетельствует Н. А. Павлович. — Лозинский не только любил Блока, но и уважал и понимал его принципиальность. Когда Блок вышел из Президиума Союза, и Лозинский ушел с ним, хотя был в свое время одним из столпов акмеизма» («Блоковский сб.», 1, с. 477).

⁵⁶ Издание не было осуществлено. Вероятно, имелся в виду намеченный комитетом по увековечению памяти Блока (в который входили Белый и Щеголев) сборник в издательстве «Алконост», в состав которого должны были войти: биография Блока, его ранние произведения, воспоминания и ряд статей о нем («Жизнь искусства», 1921, № 804, 16—21 августа).

⁵⁷ Вероятно, узнав об этом от Белого, Иванов-Разумник писал А. А. Кублицкой-Пиотух 11 августа, на следующий день после похорон: «... не захотите ли Вы на август приехать к нам в Царское Село? У нас большая лишняя комната, хлопот не будет никаких, а если бы и были, то ими Вы доставили бы только радость помочь Вам в эти минуты. Рядом живет у нас Борис Николаевич, приезжающий на 3—4 дня в неделю. Если бы и Любовь Дмитриевна захотела переехать на это время в Царское Село, то в соседней квартире мы устроим ее в удобной комнате. Наконец, раза 2—3 в неделю, если бы Вы захотели, я мог бы сопровождать Вас в город; для поездок в городе и на дорогу могилу можно получить в эти дни экипаж (...) мне очень хотелось бы убедить Вас провести ближайший месяц в нашей тиши» (ИРЛИ, ф. 462, ед. хр. 167). Этим предложением А. А. Кублицкая-Пиотух не воспользовалась.

⁵⁸ См. вступ. статью. 789—790.

⁵⁹ У Белого: «11 августа». См. прим. 47.

⁶⁰ С. Г. Каплун.

⁶¹ Ефим Яковлевич Белицкий — заведующий отделом управления Петроградского Совета, возглавлял издательство «Эпоха», в 1920-е годы был заместителем заведующего Ленгизом; муж Марии Гитмановны Каплун (сестра С. Г. Каплун).

⁶² Евгений Иванович Замятин (1884—1937) — прозаик, драматург, критик, близ-

кий знакомый Блока в 1918—1921 гг. В августе 1921 г. он написал некрологическую заметку о Блоке («Записки мечтателей», № 4. Пб., «Алконост», 1921, с. 11). В своих «Воспоминаниях о Блоке» Замятин вкратце рассказал о болезни, смерти и похоронах Блока («Русский современник», 1924, № 3, с. 193—194).

⁶³ Аким Львович *Волынский* (настоящая фамилия Флексер; 1863—1926) — критик, искусствовед, эстетик.

⁶⁴ Василий Петрович *Авенариус* (1839—1923) — писатель.

⁶⁵ Дмитрий Михайлович *Цензор* (1879—1947) — поэт.

⁶⁶ Арон Захарович *Штейнберг* (1891—1975) — философ, один из инициаторов и активных участников «Вольфилов».

⁶⁷ Александр Александрович *Мейер* (1875—1939) — религиозный мыслитель, философ, историк, один из постоянных участников «Вольфилов», руководитель ее кружков и семинаров.

⁶⁸ «Гроб, утопавший в цветах, всю дорогу до Смоленского кладбища несли на руках литераторы. В числе их был и брат по духу поэта — Андрей Белый» (М. А. Бекетова, Александр Блок. Биографический очерк, с. 304). «Я увидела, — вспоминает Н. Н. Берберова, — как под стройное, громкое пение <...> спустились Белый, Пяст, Замятин, другие, неся гроб. Л. Д. вела под руку Ал. Ан., священник надел, в подворотне повернули на улицу, уже начала расти толпа. Все больше и больше — черная, без шапок, вдоль Пряжки, за угол, к Неве, через Неву, поперек Васильевского острова — на Смоленское. Тысячи полторы людей ползли по летним, солнечным, жарким улицам, качался гроб на плечах...» (Н. Берберова. Курсив мой, с. 143). См. также дневниковые записи Е. П. Казанович от 10 августа (описание похорон) и от 20—21 августа 1921 г. (о Белом у могилы Блока) («Литературное обозрение», 1980, № 10, с. 109—110; публикация А. Кочного и В. Сажина).

⁶⁹ Борис Гитманович *Каплун* (род. в 1894 г.) — сотрудник управления Петроградского совета; позднее — заведующий берлинским отделением издательства «Эпоха». Большевик, племянник М. С. Урицкого. Был, согласно свидетельствам Н. И. Гаген-Торн, печатателем Андрея Белого и Блока, «меченатом и радетелем Вольфилов».

⁷⁰ Первая строка стихотворения Пушкина «Клеветникам России» (1831), написанного на взятие русскими войсками восставшей Варшавы, Параллель между «Скифами» и «Клеветникам России» Иванов-Разумник проводит в статье «Испытание в грозе и буре» (см. наст. т., кн. 2, с. 378). Ср. занесенное Блоком в дневник (21 (8) февраля 1921 г.) высказывание писателя и критика Е. Г. Лундберга: «„Скифы“ соответствуют „Клеветникам России“». Случаются повторения в истории» (VII, 327).

⁷¹ Имеется в виду блоковская «Записка о „Двенадцати“», в которой говорится: «Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугой над ними. Я смотрел на радугу, когда писал „Двенадцать“; оттого в поэме осталась капля политики. Посмотрим, что сделает с этим время. Может быть, всякая политика так грязна, что одна капля ее замутит и разложит все остальное; может быть, она не убьет смысла поэмы; может быть, наконец — кто знает! — она окажется бродилом, благодаря которому „Двенадцать“ прочтут когда-нибудь в не наши времена» (III, 474—475). Впервые «Записка о „Двенадцати“» была публично оглашена Андреем Белым на заседании «Вольфилов» памяти Блока 28 августа 1921 г. и полностью опубликована в составе его речи («Памяти Александра Блока», с. 30—32).

⁷² «Сирин» — издательство, функционировавшее в Петербурге в 1912—1915 гг.

⁷³ О «сиринских» беседах Блока и Иванова-Разумника см. наст. т., кн. 2, с. 371—374.

⁷⁴ «„Скифы“ (стихи) — огромны и эпохальны, как „Куликово Поле“, — писал Белый Блоку 17 марта 1918 г. («Александр Блок и Андрей Белый. Переписка», с. 335). В письме к Иванову-Разумнику от 27 февраля 1918 г. он признавался: «...огромны „Скифы“ Блока; и, признаться, его стихи „12“ — уже слишком; с ними я не согласен...» (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 9). Позднее Белый сумел оценить «Двенадцать» как значительнейшее произведение Блока (см., например, его речь о Блоке в кн.: «Памяти Александра Блока», с. 29—30).

⁷⁵ Сильнейшее увлечение личностью и творчеством великого шведского писателя Августа Стриндберга (1849—1912) Блок пережил в 1911—1912 гг. На творчество Стриндберга обратил внимание Блока Вл. Пяст (см.: В. Пяст. Встречи. М., «Федерация», 1929, с. 212—234). См. написанные Блоком в 1912 г. статьи «От Ибсена к Стриндбергу» (V, 455—462) и «Памяти Августа Стриндберга» (V, 463—469; ее первоначальная редакция — «Блоковский сб.», 1, с. 552—556), набросок «Ибсен и Стриндберг» (V, 687). Подробнее см.: Д. М. Шарыкин. Блок и Стриндберг. — «Вестник Ленингр. ун-та», серия ист., яз. и лит-ры, 1963, № 2, вып. 1, с. 82—91.

⁷⁶ Белый ошибочно называет так вечер Блока 25 апреля 1921 г. в петроградском Большом драматическом театре.

⁷⁷ Весной 1921 г. отголоски между А. А. Кублицкой-Пиоттух и Л. Д. Блок ухудшились, в результате этого мать Блока уехала в Лугу. Ср. запись Блока от 11 мая 1921 г.: «Мама в Луге, Е. Я. Билицкий помог ей доехать бумагами, письмами, провизией и лошадей» (VII, 420).

⁷⁸ Статья Андрея Белого «Поэзия Блока» (1916) была опубликована в кн.: «Ветвь» Сборник клуба московских писателей. М., «Северные дни», 1917, с. 267—283. Под назва-

нием «А. Блок» статья вошла в кн.: Андрей Б е л ы й. Поэзия слова. Пб., «Эпоха», 1922, с. 106—134.

⁷⁹ В статье о поэзии Блока Белый устанавливает доминирующую аллитерацию третьего тома его стихотворений («рдрт») и дает ей следующее истолкование: «...*рдрт*» выражает собою прорыв самосознания Блока к духовному центру чрез застылые льдины страстей; в «*рдрт*» форма Блока запечатлела трагедию своего содержания: трагедию отрезвления — трагедию трезвости (<...> в *ер-де-те* — внешнее выражение мужества и трагедии трезвости» (Андрей Б е л ы й. Поэзия слова, с. 134).

⁸⁰ Экземпляр журнала «Русская мысль» (январь—февраль 1921 г.), возобновленного в Софии под редакцией А. Б. Струве, Блок получил 20 апреля 1921 г. В тот же день он занес в дневник пространную запись-рецензию на этот номер журнала. В частности, о «Дневнике» З. Н. Гиппиус («Дневник 1919 г.»— «Русская мысль», 1921, № 1—2, с. 139—190) сказано: «Начало дневника З. Н. Гиппиус. Это очень интересно, блестяще, большею частью, я думаю, правдиво, но — своеобразно. Она (они) слишком утяжелена личным, тут нет широких, обобщающих точек зрения. Может быть, на обобщения такого размера, какие сейчас требуются, они и вовсе не способны. Патриотизм и национализм всей «Русской мысли» — тоже не то, что требуется. Это — правда, но *только часть*. У Зинаиды Николаевны — много скверных анекдотов о Горьком, Гржебине и др.» (VII, 416). Видимо, разговор о «Русской мысли» состоялся в последнюю встречу Блока и Белого в конце апреля 1921 г., о которой вспоминает Иванов-Разумник (см. предисловие).

⁸¹ Примириение Блока с Вл. Пястом состоялось осенью 1920 г. через посредничество Н. А. Павлович (см. ее воспоминания об этом — «Блоковский сб.», 1, с. 477—478; Вл. П я с т. Воспоминания о Блоке. Пб., «Атеней», 1923, с. 74—75).

⁸² «Встреча в трамвае с З. Н. Гиппиус», — записал Блок 3 октября 1918 г. (ЗК, 430).

⁸³ Тема «Блок и Ницше» специально освещается в работах: Roul L a b r y. Alexandre Blok et Nietzsche. — «Revue des études slaves», vol. XXVII, 1951, p. 201—208; Rolf Dieter K l u g e. Westeuropa und Russland im Weltbild Aleksandr Bloks. München, 1967, S. 84—121; В. П а п е р н ы й. Блок и «Происхождение трагедии» Ницше. — В кн.: Тезисы I всесоюзной (III) конференции „Творчество А. А. Блока и русская культура XX века“. Тарту, 1975, с. 107—112; В. М. П а п е р н ы й. Блок и Ницше. — В кн.: Типология русской литературы и проблемы русско-эстонских литературных связей. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. XXXI. (Ученые записки Тартуского гос. ун-та, вып. 491). Тарту, 1979, с. 84—106.

⁸⁴ См.: Е. Л. Б е л ь к и н д. Блок и Вячеслав Иванов. — В кн.: «Блоковский сб.», 2, с. 365—384.

⁸⁵ Трагедия Вяч. Иванова «Тантал» (1904), опубликованная в альманахе «Северные цветы ассирийские» (М., «Скорпион», 1905, с. 197—245).

⁸⁶ О восприимчивости Блоком творчества Вагнера см.: А. Л о с е в. Проблема Рихарда Вагнера в прошлом и настоящем. — В кн.: «Вопросы эстетики», вып. 8. М., 1968, с. 113—114; С. В о л к о в, Р. Р е д ь к о. А. Блок и некоторые музыкально-эстетические проблемы его времени. — В кн.: «Блок и музыка». Л.— М., 1972, с. 91—96; Д. М. М а г о м е д о в а. Блок и Вагнер. В кн.: «Тезисы I всесоюзной (III) конференции „Творчество А. А. Блока и русская культура XX века“, с. 103—107; Д. М. М а г о м е д о в а. О генезисе и значении символа «мирового оркестра» в творчестве А. Блока. — «Вестник Моск. ун-та», серия 10, филология, 1974, № 5, с. 10—19.

⁸⁷ Так модифицировалось в сознании Белого скептическое отношение Блока к акмеистической литературной программе; в «первый» «Цех поэтов» (октябрь 1911 г.— начало 1915 г.) — литературную организацию, учрежденную Н. С. Гумилевым и С. М. Городецким и составившую ядро акмеизма, Блок не входил. О составе «Цеха поэтов» см.: Р. Д. Т и м е н ч и к. Заметки об акмеизме. — «Russian literature», N 7—8, 1977, p. 35—39.

⁸⁸ Ср. дневниковую запись Блока от 25 мая 1921 г.: «В феврале меня выгнали из Союза поэтов и выбрали председателем Гумилева» (VII, 420). Этот эпизод подробно описан в воспоминаниях Н. А. Павлович — секретаря Союза поэтов («Блоковский сб.», 1, с. 476—479). Председателем Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов Блок был избран 27 июня 1920 г.

⁸⁹ Яков Павлович Бердников (1889—1940) — поэт, член петроградского отделения Пролеткульта. С чтением поэмы «Первое свидание» Андрей Белый выступал 24 июня 1921 г. на открытом заседании «Вольфилы». Третья глава «Возмездия» и авторское предисловие к поэме были опубликованы в «Записках мечтателей» (№ 2-3. Пб., «Алконост», 1921, с. 96—112).

⁹⁰ Василий Васильевич Казин (1898—1981), Василий Дмитриевич Александровский (1897—1934), Николай Гаврилович Полетаев (1889—1935), Н. Десярева — поэты, занимавшиеся у Андрея Белого в литературной студии московского Пролеткульта. Все они вышли в 1920 г. из Пролеткульта и участвовали в образовании группы «Кузница». В ответах московских пролетарских поэтов на анкету с вопросом о литературных влияниях, которые они испытали, имена Андрея Белого и Блока занимали первое место.

⁹¹ Г. И. Чулков в воспоминаниях «Александр Блок и его время» сообщает, что Блок отметил закладками свои «любимые стихи Баратынского»: «Когда взойдет денница золотая...», «В дни безграничных увлечений...», «Наслаждайтесь: все проходит...»; там же Чулков пытается объяснить этот блоковский выбор (см.: Письма Александра Блока. Л., «Ко-

лос», 1925, с. 117—118). «Блоковские» места в поэзии Баратынского подмечает Ю. Н. Верховский, утверждая «родственность лирического мотива» у Блока и Баратынского и «явное совпадение момента созерцательного» (Юрий Верховский. В память Александра Блока. Отрывочные записи, припоминания, раздумья. Публикация Вл. Орлова. — «Дружба народов», 1980, № 11, с. 251—252).

⁹² Об отношении Блока к С. М. Городецким см. наст. т., кн. 2, с. 5—62.

⁹³ Леонид Дмитриевич Семенов — поэт-символист. См. наст. кн., с. 123—124.

⁹⁴ Есенин впервые приехал в Петроград весной 1915 г. «Первый, кого я увидел, был Блок», — вспоминал он позднее в автобиографии «О себе» (1925) (Сергей Есенин. Собр. соч. в 5 томах, т. 5. М., 1968, с. 21). Их встреча состоялась 9 марта 1915 г. (ЗК, 257); Есенин показал Блоку свои неопубликованные стихи. Блок оценил дарование молодого поэта и дал ему рекомендательное письмо к С. М. Городецкому, который способствовал публикации стихов Есенина в столичных журналах. Осенью 1915 г. Городецкий организовал литературную группу «Краса», куда наряду с Есениным вошли «крестьянские» поэты Н. Клюев, С. Клычков, А. Ширяевец. Ср.: Л. Л. Бельская. Роль А. Блока в становлении поэтики раннего Есенина. — «Русская литература», 1968, № 4, с. 120—130.

⁹⁵ «Крестьянский» поэт Петр Васильевич Орешин (1887—1938); входил вместе с Есениным и Клюевым в группу «Скифы» (1916—1918), организатором которой был Р. В. Иванов-Разумник и к которой был близок Блок.

⁹⁶ Речь идет о книгах Андрея Белого: симфонии — «Северная симфония (1-я, героическая)» (1900), «Симфония (2-я, драматическая)» (1901), «Возврат. III симфония» (1902), «Кубок метелей. Четвертая симфония» (1907); романы — «Серебряный голубь» (1909), «Петербург» (1911—1913), «Котик Летаев» (1916); книга стихов «Пепел» (1908). С «Записками чудак» Блок был знаком в неполном виде — по публикации в «Записках мечтателей» (№ 1, 2—3, 1919—1921).

⁹⁷ Алексей Сергеевич Петровский (1881—1958) — переводчик, музеевед, близкий друг Андрея Белого со студенческих лет; познакомился с Блоком в январе 1904 г. во время его первого приезда в Москву.

⁹⁸ Об Эмилии Карловне Метнере см. наст. кн., с. 103—104.

⁹⁹ Анна Рудольфовна Минцова — оккультистка, деятельница теософского движения, близко знавшая Вяч. Иванова, Андрея Белого, М. Волошина. «В начале XX в. она по поручению розенкрейцеров (так она говорила) занималась привлечением членов в Тайные Общества. Она искала возможных сочувственников главным образом среди духовно влиятельных представителей русской элиты» (примечания О. Дешарт в кн.: Вячеслав Иванов. Собр. соч., т. II. Брюссель, 1974, с. 722).

¹⁰⁰ Михаил Александрович Эртель — историк, товарищ юности Андрея Белого, который дал его литературный портрет в мемуарах «Начало века» (с. 65—75). Эртель познакомился с Блоком 11 января 1904 г.; 14—15 января 1904 г. Блок писал об Эртеле матери: «... мой самый яростный поклонник» (VIII, 82). Встречались ли они впоследствии — неизвестно. Эртель — герой очерка Белого «Великий лгун» («Утро России», 1910, № 247, 12 сентября).

¹⁰¹ Сергей Алексеевич Соколов (псевд. Кречетов; 1879—1936) — поэт-символист, основатель и владелец московского издательства «Гриф» и журнала «Перевал». См. переписку Блока с ним в кн. 1 наст. тома.

¹⁰² Нина Ивановна Петровская (1884—1928) — писательница символистского круга, первая жена С. А. Соколова; послужила прототипом героини романа Брюсова «Огненный Ангел». О ее взаимоотношениях с Брюсовым и Андреем Белым см.: С. С. Гречишкин, А. В. Лавров. Биографические источники романа Брюсова «Огненный Ангел». — «Wiener slavistischer Almanach», 1978, Bd. 1. S. 79—107; Bd. 2. S. 73—96. Фрагменты литературных воспоминаний Петровской опубликованы в кн.: ЛН, т. 8, с. 773—789 (публикация Ю. А. Красовской).

¹⁰³ Коваленские — родственники Бекетовых и Соловьевых: Александра Григорьевна Карелина, сестра бабушки Блока Елизаветы Григорьевны Карелиной (в замужестве Бекетовой), вышла замуж за Михаила Ильича Коваленского, у них было трое сыновей (Михаил, Николай, Виктор) и трое дочерей — Александра (в замужестве Марконет), Наталья (в замужестве Дементьева) и Ольга (в замужестве Соловьева; мать С. М. Соловьева). «Антагонизм между Коваленскими и Бекетовыми был, т. е. собственно был между Александрой Григорьевной и моей матерью, — свидетельствует М. А. Бекетова в письме к Андрею Белому от 24 января 1931 г., — молодые были в хороших отношениях, не без критики конечно, которая могла исходить у нас — со стороны главным образом Екатерины Андреевны (старшей сестры), а у Коваленских — со стороны Натальи Михайловны» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 152).

¹⁰⁴ Мария Викторовна Коваленская — внучка А. Г. Коваленской, дочь Виктора Михайловича Коваленского. Блок ухаживал за ней в юности.

¹⁰⁵ Александра Григорьевна Коваленская (урожд. Карелина; 1829—1914) — детская писательница, двоюродная бабушка Блока, бабушка С. М. Соловьева, владелица имения Дедово.

¹⁰⁶ Софья Григорьевна Карелина — двоюродная бабушка Блока, сестра А. Г. Коваленской и Е. Г. Бекетовой, владелица усадьбы Трубицыно. 5 писем ее к Блоку (1911—1912) сохранились в архиве поэта (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 267).

¹⁰⁷ Об организации этого комитета было извещено специальной заметкой «Комитет по увековечению памяти Блока»: «В Петербурге образовался Комитет по увековечению памяти Александра Александровича Блока. В Комитет вошли: Андрей Белый, Р. В. Иванов-Разумник, Евгений Ив. Замятин, П. Е. Щеголев и С. М. Алянский. Главные задачи Комитета: 1) Охрана имущества А. А. Блока (рукописи, библиотека и пр.). 2) Собираание писем А. А. и материалов о нем. 3. Подготовка издания полного собрания сочинений Блока. Все собранное Комитетом должно явиться основанием для Музея Блока в будущем» («Жизнь искусства», 1921, № 804, 16—21 августа). Ср.: «От комитета по увековечиванию памяти Александра Блока». — «Книга и революция», 1921, № 1 (13), с. 26.

¹⁰⁸ 22 августа 1921 г. Андрей Белый писал С. М. Соловьеву: «Комитетом памяти Блока решен в первую голову сборник, посвященный воспоминаниям о нем (встречи, впечатления. биографич(еские) черты и т. д.). Не желательны статьи оценочного характера (...) Кому же, как не Тебе, откликнуться. Напиши скорей, как бы ни вышло, и скорей пришли. Срок назначили до 20 сентября (несколько дней опоздания не в счет)» (ЦГАЛИ, ф. 475, оп. 1, ед. хр. 19). Первым таким сборником памяти Блока явился 6-й выпуск «Записок мечтателей» (Пб., «Алконост», 1922), в котором были напечатаны воспоминания о Блоке Андрея Белого, В. А. Зоргенфрея и К. И. Чуковского. Задуман он был в гораздо более широком объеме. «№№ 6—7 «Записок мечтателей» посвящен памяти Блока, — сообщалось в предварительной аннотации. — Воспоминания и статьи: Андрея Белого, Анны Ахматовой, Вячеслава Иванова, Р. В. Иванова-Разумника, В. В. Гиппиуса, Евг. Замятина, В. А. Зоргенфрея, М. А. Кузмина, Н. А. Клюева, Вл. Пяста, Федора Сологуба, К. И. Чуковского, Мариэтты Шагинян, Викт. Шкловского, А. З. Штейнберга, П. Е. Щеголева, Конст. Эрберга, Е. П. Иванова и др.» («Записки мечтателей», № 4. Пб., «Алконост», 1921, с. 116).

¹⁰⁹ Нестор Александрович *Котляревский* (1863—1925) — академик, историк литературы.

¹¹⁰ Неясно, кто имеется в виду — художник Николай Эрнестович *Радлов* (1889—1942) или его брат, драматург и режиссер, ученик студии В. Э. Мейерхольда и сотрудник журнала «Любовь к трем апельсинам» — Сергей Эрнестович *Радлов* (1892—1958).

¹¹¹ Философ Николай Александрович *Бердяев* (1874—1948) впоследствии опубликовал статью «В защиту А. Блока» («Путь», 1931, № 26, с. 86—108).

¹¹² Сергей Алексеевич *Аскольдов* (настоящая фамилия Алексеев; 1871—1945) — философ и литературный критик, профессор Петербургского университета. О нем см.: И. М. Андреев. Путь профессора С. А. Аскольдова. — В кн.: «Православный путь». New York, 1950, с. 55—64.

¹¹³ Евгений Васильевич *Аничков* (1866—1937) — критик, литературовед, автор исследований по литературе средних веков и фольклору.

¹¹⁴ См. III, 474—475.

¹¹⁵ См. прим. 72. П. Е. Щеголев и Е. И. Замятин на заседании «Вольфины» памяти Блока 28 августа 1921 г. не выступали.

¹¹⁶ Илья Иванович *Ионов* (настоящая фамилия Бернштейн; 1887—1942) — поэт, издательский работник. О конфликтах Блока с Ионовым как руководителем Петроградского отделения Госиздата, см.: И. А. Чернов. А. Блок и книгоиздательство «Алконост». В кн.: «Блоковский сб.», 1, с. 533—535.

¹¹⁷ Из стихотворения Блока «Вербочки» (1906) (II, 95).

¹¹⁸ Имеется в виду набережная реки Пряжки. В доме на углу ее и Офицерской улицы (улицы Декабристов) была последняя квартира Блока. Ныне улица Александра Блока — от набережной реки Пряжки до Переводной улицы.

¹¹⁹ См. прим. 49. В «Правде» была помещена также краткая заметка «Похороны А. Блока» (1921, № 178, 13 августа, с. 2). В данном случае речь идет о заметке «Расколовшаяся лира» («Петроградская правда», 1921, № 170, 14 августа, с. 2; подпись: Л. Н.), в которой, в частности, говорилось: «Революция пережила Блока. Не поддается забвению и его поэзия. Состарится «Незнакомка», сгорбится «Прекрасная Дама», сгниет «Балаганчик», поростет лопушником «Куликово поле», но имя Блока, торжественно несомое на красном щите рабочими руками «Двенадцати» красногвардейцев, войдет «державным шагом» во все-хрестоматии нашей революционной литературы, сколько бы ни были «шелудивые псы» высокомерного Парнаса».

¹²⁰ Петр Семенович *Коган* — историк литературы, критик-марксист, с 1921 г. — президент Государственной академии художественных наук (см. о нем также наст. т., кн. 2). Написанный им некролог Блока был помещен в газете «Известия» (1921, № 174, 9 августа, с. 1; см. также: «Красная новь», 1921, № 2, с. 354). В нем Коган, упомянув, что «ушел в вечность последний трубадур «прекрасной дамы», запоздалый романтик, дорого заплативший за свой поздний приход в мир», основное внимание уделил поэме «Двенадцать».

¹²¹ Михаил Александрович *Лурье* (1882—1932) — публицист, экономист, партийный работник (печатался в «Красной газете», «Петроградской правде», журнале «Красная новь» и др. изданиях под псевдонимом Юрий Ларин).

¹²² Неточность Белого: резко отрицательная рецензия поэта, стиховеда и критика С. П. Боброва на сборник стихотворений Блока «Седое утро» (Пб., «Алконост», 1920) была напечатана в журнале «Печать и революция» (1921, № 1, май—июль, с. 146—147).

Выводы ее были уничтожающими: «Зачем Блок напечатал эту книгу: верно, не мог не напечатать, а этим он подписал собственный приговор: отныне его больше нет». Белый написал в связи с этим гневный протест, адресованный редакции «Печати и революции»: «В толь^{ко} что вышедшем № критико-библиографического журнала «Печать и революция» (...) напечатана пощечина: и печати, и революции: рецензия Сергея Боброва на книгу именно в эти дни скончавшегося А. А. Блока «Седое утро» — рецензия, сплошь состоящая из выражений, подобных нижеследующим: «Нечленораздельными мольбами в пустое пространство» (полна книга), «посылано... давно не перечитывавшимся Брюсовым» (в ней же); «раскладывает постыдные отрезья», «гоним... писарскую романтику», «подписал собственный приговор» — кто же? Полный поэтической жизни, любимейший, наш, национальный поэт, угасший в дни выхода этого позорища. Тон рецензии глуп, безграмотен, сплошь неверен (пример: стихотворению, написанному до появления Маяковского в печати, приписывается влияние Маяковского и т. д.) (...) Он гнушен по отношению к поэзии Блока, ибо все сказанное о ней — пустая и циничная ложь; он, более того, — подл, принимая во внимание, что тяжкая болезнь А. А. Блока и ожидаемый печальный конец не могли быть тайной для Сергея Боброва; А. А. Блок до смерти читал: рецензия Боброва могла ему попасться; она конечно бы повлияла на ход его болезни (...) и потому впечатление от рецензии этой — как если бы Сергей Бобров вонзил свой «французский каблук» в умирающее сердце поэта (...) Рецензия кончается словами: «Отныне его (т. е. Блока) больше нет». Мы прочли эти слова в дни, когда его с нами не стало действительно, хотя он — бессмертен», и т. д. (ИРЛИ, ф. 79, оп. 3, ед. хр. 38). Белый обсуждал этот документ на собрании «Комитета по увековечению памяти Блока» 1 сентября 1921 г. и, по совету Иванова-Разумника, не стал посылать его в редакцию «Печати и революции»: было высказано предположение, что в очередном номере журнала появится другая статья о Блоке, «которая и будет лучшей отповедью на статью Боброва» (Протокол собрания 1 сентября 1921 г., составленный Д. М. Пинесом. — ЦГАЛИ, ф. 391, оп. 1, ед. хр. 34). Следующий номер журнала открывался статьей П. С. Когана «Александр Блок и революция. Памяти поэта» («Печать и революция», 1921, № 2, август — сентябрь, с. 3—7). Ср.: А. В. Л а в р о в. Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме. — В кн.: «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год». Л., 1980, с. 52—53. Попутно отметим, что приведенные в этой работе суждения Алянского, приписывавшего Боброву скандальное выступление на вечере Блока в Москве в Доме печати 7 мая 1921 г. со словами «Блок как поэт уже умер» и т. п. (см.: С. В. Б е л о в. Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С. М. Алянского. Л., 1979, с. 104—105), не соответствуют действительности; виновником инцидента был поэт Александр Струве, Бобров же, напротив, как свидетельствуют П. Г. Антокольский и И. Н. Розанов, выступил следом и «резко отчитал Струве» (см.: «Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 2. М., 1980, с. 139—140, 387).

¹²³ Статья «Умер Блок» Вл. Пяста, «Поэт в театре» М. Шагинян, «А. Блок» М. Кузмина, «Смерть Блока» Ю. Анненкова были помещены в газете «Жизнь искусства» (1921, № 804, 16—21 августа) под рубрикой «Памяти Александра Александровича Блока».

¹²⁴ Воспоминания журналиста Петра Сторицына «Моя встреча с А. А. Блоком» (там же). Белый неточен: описанная встреча произошла в Доме литераторов.

¹²⁵ Ср. строку из поэмы Н. А. Павлович «Воспоминания об Александре Блоке» (1939—1946): «На шкипера норвежского похожий» (Надежда П а в л о в и ч. Сквозь долгие года... Избранные стихи. М., 1977, с. 15).

¹²⁶ Предки Блока были родом из Германии. Блок «искренно верил в легенду (...), будто бы один из предков был врачом царя Алексея Михайловича. Прапрадед — Иоганн фон Блок, родом из Мекленбург-Шверина, действительно, был медиком, но в русскую службу вступил лишь в 1755 г., полковым врачом (...) в 1785 г. назначен лейб-хирургом наследника» (В. Н. К н я ж н и н. Александр Александрович Блок. Пб., «Колос», 1922, с. 7).

¹²⁷ Виктор Львович Кибальчич (псевд. Виктор Серж; 1890—1947) — публицист, переводчик; впоследствии — журналист троцкистского толка. В одном из писем к Белому Кибальчич сообщал, что отложил для него «один французский перевод, только что напечатанный в Париже, «Двенадцати» Блока» (ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 202; имеется в виду перевод С. Ромова с иллюстрациями М. Ларионова, вышедший отдельной книгой в 1920 г.).

¹²⁸ 2-я строка из стихотворения «Петр» (1904), посвященного Евг. Иванову (II, 141).

¹²⁹ Огюст Конт (1798—1857) — французский философ и социолог, основоположник позитивизма. В работе «Система позитивной политики» Конт сформулировал «общую теорию религии или позитивную теорию человеческого единства». Предметом контовской религии вместо бога явилось человечество, как единое «Великое Существо». Отдельно взятая человеческая личность, по Конту, — зоологическая абстракция. Позитивная религия включала личный, домашний и общественный культ «Великого Существа».

¹³⁰ Возможно, имеется в виду Николай Александрович Равич.

¹³¹ Отношения Блока и М. Горького освещаются в специальных работах: Е. М а л к и н а. А. Блок о М. Горьком. — «Звезда», 1937, № 6, с. 179—190; И. С е р г и е в с к и й. Горький и Блок. — «Литературный критик», 1938, № 1, с. 31—44; С. М. Т а -

расеянок в. А. Блок и М. Горький. — Уч. зап. Краснодарского пед. ин-та, 1956, вып. 18, с. 3—20; Н. Венгров. А. Блок и М. Горький. — В кн.: «Горьковские чтения. 1953—1957». М., 1959, с. 200—261; Д. Максимова. К вопросу об А. Блоке и М. Горьком. — В его кн.: «Поэзия и проза Ал. Блока». Л., 1975, с. 518—525. См. также наст. т., кн. 4.

¹³² С докладом «Крушение гуманизма» (VI, 93—115) Блок впервые выступил на собрании сотрудников издательства «Всемирная литература» 9 апреля 1919 г. Одним из толчков к его написанию послужил отзыв Горького на выступление Блока 25 марта 1919 г. во «Всемирной литературе» по поводу русских переводов стихотворений Гейне (VI, 116—128), в котором была затронута «тема о крушении гуманизма и либерализма» (дневниковая запись Блока от 26 марта 1919 г. — VII, 356). «За Сашу встал горой М. Горький, сказал, что доклад пророческий», — сообщала А. А. Кублицкая-Пиотух М. А. Бекетовой 27 марта 1919 г. («Александр Блок в последние годы жизни». Публикация Л. Долгополова. — В кн.: «Белые ночи». Л., 1973, с. 129). Доклад «Крушение гуманизма» вызвал у Горького ряд принципиальных возражений. Об устной полемике с Блоком по поводу «Крушения гуманизма» Горький вспоминает в своем мемуарном очерке о поэте (М. Горький. Полн. собр. соч. Худож. произв. в 25 томах, т. 17. М., 1973, с. 223—225, 601).

¹³³ Л. Д. Блок, наследница авторских прав Блока, заключила с С. М. Алянским договор на издание «Алконостом» всех произведений Блока (см.: С. В. Белов. Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С. М. Алянского, с. 52). После закрытия «Алконоста» в 1923 г. это право перешло к государству.

¹³⁴ Переезд Блока из своей квартиры в квартиру матери в феврале 1920 г. «Оставив часть вещей на своей старой квартире у тех, кто ее нанял, а часть продав, он перенес все остальное вниз вдвоем с наемным помощником» (М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк, с. 279).

¹³⁵ Е. Ф. Книпович. См. ее воспоминания о Блоке в кн. 1 наст. т.

¹³⁶ Разговор относится к началу мая 1921 г. — времени последнего пребывания Блока в Москве.

¹³⁷ Речь идет о контрреволюционном восстании в Кронштадте 28 февраля — 18 марта 1921 г., подавленном штурмом красноармейских частей.

¹³⁸ В тексте романа — несколько мест, которые мог иметь в виду Блок: «с темного неба прошли яркоруночные нити» (Андрей Белый. Серебряный голубь. Повесть в семи главах. М., «Скорпион», 1910, с. 243); «темная бездна и там плывут облака» (с. 265); «и все это воздушное гарево должно было синеть; чернеть, как лицо мертвеца» (с. 266); «в небе стояла чернобагровая мгла» (с. 292—293) и мн. др.

¹³⁹ Ася — Анна Алексеевна *Тургенева* (1890—1966) — первая жена Андрея Белого, художница; вместе с Белым работала в Антропософском обществе.

¹⁴⁰ Намек на сложные личные взаимоотношения Блока, Л. Д. Блок и Андрея Белого в 1906 г.

¹⁴¹ Цикл стихотворений Блока «На поле Куликовом» (1908), вошедший в раздел «Родина» третьего тома лирики (III, 249—253).

¹⁴² У Белого описка: «25 августа».

¹⁴³ Члены редакционной коллегии экспертов издательства «Всемирная литература», в которую входил и Блок.

¹⁴⁴ Протоиерей Александр Иванович *Введенский* (1888—1946) — деятель «обновленческого» движения внутри русской православной церкви в послеоктябрьскую эпоху, выступавший за «коммунистическое христианство» на почве лояльности к Советской власти. В 1921 г. Введенский был настоятелем одной из петроградских церквей, где и начал проповедовать «живую церковь». В своих проповедях он многократно цитировал и упоминал Блока и даже поместил его увеличенную фотографию в церковный иконостас (см.: Николай Чуковский. Встречи с Маддельштамом. — Москва, 1964, № 8, с. 146; Эм. Мидл и в. Необыкновенные собеседники. Книга воспоминаний. М., 1968, с. 234—241). См. также прим. 193.

¹⁴⁵ 28 августа 1921 г. состоялось 83-е открытое заседание «Вольфилы», посвященное памяти Блока. П. Е. Шеголев на нем не выступил. Стенограммы выступлений были выпущены отдельной книгой: «Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг». Пб., 1922. Текст телеграммы комитета левых эсеров в книгу не вошел.

¹⁴⁶ 14 июня 1916 г. Блок купил у букиниста книгу «Добротолюбие в русском переводе, дополненное», т. I (изд. 4-е. М., 1905) — сборник «святоотеческих писаний» о духовной жизни (ЗК, 306). Книга зафиксирована в составленном Блоком алфавитном каталоге его библиотеки (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 388, л. 56 об.). Блок внимательно, с карандашом в руках прочел «Добротолюбие»; громадное впечатление на него произвели сочинения монаха Евагрия, приверженца «того действительного реализма, который родит его, например, со Стриндбергом» (письмо к матери от 16 июля 1916 г. — VIII, 463—464). В 1920 г. Блок подарил эту книгу Н. А. Павлович (в своих воспоминаниях она вкратце характеризует сделанные им пометы — «Блоковский сб.», 1, с. 494). В архиве Иванова-Разумника сохранилась копия блоковских маргиналий в первом томе «Добротолюбия» (ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, ед. хр. 30).

¹⁴⁷ Эрих Федорович *Голлербах* (1895—1942) — искусствовед, литературовед, поэт, критик. В год смерти Блока Голлербах напечатал несколько своих статей о нем: «К вос-

поминаниям о поэте-рыцаре» («Вестник литературы», 1921, № 10), «Из библиографии Блока» («Жизнь искусства», 1921, № 804, 16—21 августа), «В саду поэзии» («Новый мир», Берлин, 1921, № 230), «Из воспоминаний о Блоке» («Новый мир», 1921, № 253).

¹⁴⁸ Ср. один из тезисов выступления Белого: «Прекрасная Дама» изменяет свой облик во внутреннем мире, она продолжает это изменение, делаясь «Незнакомкой», раздваиваясь между «Незнакомкой» и «звездой»; — потом звезда сверху падает — в Проститутку...» («Памяти Александра Блока», с. 19).

¹⁴⁹ Д. Чертков (о нем см. ниже), выступавший с воспоминаниями о Блоке на вечере его памяти, который был устроен 16 августа 1921 г. в помещении Петроградского Пролеткульта (по инициативе ВАПП и Пролеткульта). См.: «Красная газета», 1921, № 168, 16 августа; «Жизнь искусства», 1921, № 804, 16—21 августа.

¹⁵⁰ Заседание памяти Блока 26 августа 1921 г. в редакции издательства «Всемирная литература».

¹⁵¹ Белый с неточностями приводит по памяти заключительные строки стихотворения Блока «О, я хочу безумно жить» (1914), открывающего цикл «Ямбы» (III, 85).

¹⁵² См. прим. 66.

¹⁵³ Блок и А. З. Штейнберг были арестованы вечером 15 февраля 1919 г. Петроградский ЧК по делу левых эсеров: Блок был освобожден утром 17 февраля по неучастности к делу. Об этом Штейнберг подробно рассказал в своем выступлении на заседании «Вольфилы» памяти Блока 28 августа 1921 г. («Памяти Александра Блока», с. 35—53).

¹⁵⁴ Письма Блока Белому от 3 января 1903 г. (отклик на статью Белого «Формы искусства», помещенную в журнале «Мир искусства» (1902, № 12, с. 343—361; подпись: Борис Бугаев) и Белого Блоку от 4 января 1903 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 3—8). Сопадение писем оказывается не столь фатальным, если учесть, что 22 декабря 1902 г. О. М. Соловьева писала А. А. Кублицкой-Пиотух: «Теперь пишу главным образом потому, что вот что: Боря очень хочет написать Саше, но не решается» (см. наст. кн., с. 193).

¹⁵⁵ Блоки приехали в Москву 10 января 1904 г. и остановились в пустовавшей квартире семьи Марконет (дальних родственников) — педагога-историка Владимира Федоровича Марконета и жены его покойного брата Александры Михайловны Марконет (урожденной Коваленской). Эта встреча подробно описана в воспоминаниях Белого о Блоке («Записки мечтателей», № 6, Пб., «Алконост», 1922, с. 40—70; «Северные дни», сб. 2 М., 1922, с. 138—144; «Эпопея», № 1. М. — Берлин, «Геликон», 1922, с. 187—229). Эпизоды общения с Блоком, упоминаемые в дальнейшем изложении, также подробно освещаются в воспоминаниях Белого о нем и в его позднейших мемуарах «Начало века» и «Между двух революций».

¹⁵⁶ Блок звал Белого в Петербург в письме от 10 ноября 1904 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 112).

¹⁵⁷ Белый прибыл в Петербурге с 9 января («Кровавое воскресенье») по 4 февраля 1905 г. (в этот день в Москве был убит великий князь Сергей Александрович).

¹⁵⁸ Серебряный Колодезь — имение отца Белого Н. В. Бугаева, расположенное близ г. Ефремова Тульской губернии.

¹⁵⁹ Белый имеет в виду письмо к Блоку от 13 октября и ответное письмо Блока от 14 или 15 октября 1905 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 155—160). В Петербург Белый приехал 1 декабря 1905 г.

¹⁶⁰ Ресторан «К. П. Палкин» (Невский 47/1).

¹⁶¹ Белый приехал в Петербург 13 февраля 1906 г. (см. дневниковую запись М. А. Бекетовой в этот день — ИРЛИ, ф. 462, ед. хр. 3, л. 61 об. — 62).

¹⁶² Этим днем («9-го марта, 9 1/2 час вечера») датировано письмо Л. Д. Блок к Белому, в котором говорится о только что состоявшейся разлуке (ГБЛ, ф. 25, карт. 9, ед. хр. 18).

¹⁶³ Меблированные комнаты «Бель-Вю» (Невский 64/11 и 66).

¹⁶⁴ Письма Белого к Л. Д. Блок не сохранились.

¹⁶⁵ Встреча в ресторане «Прага» (на Арбатской площади в Москве) состоялась 8 августа 1906 г. (см.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 177).

¹⁶⁶ Неточность Белого: вызов Блоку на дуэль он послал с Эллисом 10 августа 1906 г. См. об этом наст. т., кн. 2, с. 274.

¹⁶⁷ По приезде в Петербург 23 августа 1906 г. Белый остановился в меблированных комнатах «Париж» (на углу Караванной улицы и Невского проспекта, № 23/66).

¹⁶⁸ 2 сентября 1906 г. Блоки переехали на Лахтинскую улицу (Петербургская сторона), д. 3.

¹⁶⁹ Белый приехал в Мюнхен 20 или 21 сентября (ст. ст.).

¹⁷⁰ 2 октября 1906 г. Л. Д. Блок отправила Белому письмо, в котором выражала свое возмущение тем, что он напечатал рассказ «Куст» в журнале «Золотое руно» (1906, № 7-8-9, с. 129—135); в его сюжете она увидела отражение их отношений: «Нельзя так фотографически описывать какую бы то ни было женщину в рассказе такого содержания» (ГБЛ, ф. 25, карт. 9, ед. хр. 18).

¹⁷¹ В Париж Белый переехал из Мюнхена 18 ноября/1 декабря 1906 г.; заболел он в канун Нового года (флегмона, угрожавшая заражением крови), 2/15 января 1907 г. ему сделали операцию (см.: ЛН, т. 85, с. 404).

¹⁷² См. письмо Блока к Белому от 8 августа 1907 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 192—193).

¹⁷³ Эта встреча состоялась 24—25 августа.

¹⁷⁴ Имеется в виду, вероятно, лекция Белого «Трагедия творчества у Достоевского», прочитанная 1 ноября 1910 г. в московском Религиозно-философском обществе. Тогда произошла встреча и новое сближение Блока и Белого (см.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 242—243). Первое трехтомное собрание стихотворений Блока было выпущено в свет московским издательством «Мусагет» в 1911—1912 гг.

¹⁷⁵ Наталья Алексеевна *Поццо* (1888—1942) — сестра А. А. Тургеневой, жена А. М. Поццо. Бло был тогда в Москве с 1 до 4 ноября.

¹⁷⁶ См. письма Белого к Блоку, отправленные в декабре 1910 — апреле 1911 г., во время путешествия по Средиземноморью («А. Блок и А. Белый. Переписка» с. 243—254).

¹⁷⁷ Белый получил деньги от Блока в ноябре 1911 г. См. об этом: Л. К. Д о л г о п о л о в. Андрей Белый в работе над «Петербургом». (Эпизод из истории создания романа). — «Русская литература», 1972, № 1, с. 159—160.

¹⁷⁸ Эта встреча состоялась в ресторане Лейнера 24 февраля 1912 г. В ходе разговора было затронуто таинственное исчезновение А. Р. Минцловой, которому Белый склонен был придавать мистическое значение (см.: Андрей Б е л ы й. Воспоминания о Блоке. — «Эпопея», № 4. Берлин, «Геликон», 1923, с. 222—238).

¹⁷⁹ Об участии Блока в печатании романа Андрея Белого «Петербург» в альманахах издательства «Сирин» и отдельной книгой см. наст. т., кн. 2, с. 375, 388, 392—403. Белый с женой приехали в Петербург (проездом в Гельсингфорс на лекции Р. Штейнера) 11 мая 1913 г.; обед у Блока состоялся на следующий день (VII, 250). Белый встречался с Блоком трижды и в конце мая, по возвращении из Гельсингфорса.

¹⁸⁰ Белый упоминал об этом разговоре Блока и Иванова-Разумника в «Воспоминаниях о Блоке», добавив: «Что А. А. разумел под «мятежью» — Р. В. Ирова не знает. А. А. отмечал одним словом тончайшую черточку» («Эпопея», № 1. М. — Берлин, «Геликон», 1922, с. 203).

¹⁸¹ См. прим. 79.

¹⁸² Имеется в виду начало стихотворения Блока «Было то в темных Карпатах, // Было в Богемии дальней...» (1913; III, 290). Интерпретацию его Белый дал в письме к Блоку от 17 марта 1918 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 335).

¹⁸³ Приведа (в своем исследовании о романе Белого «Петербург») фрагменты из этой дневниковой записи, Иванов-Разумник подчеркнул «непрерывность авторского свидетельства об эмоциональном для него смысле основной линии инструментовки «Петербурга»; сослался на другой пример интерпретации Белым «индивидуальности» звуков «л», «к», «ш» (Андрей Б е л ы й. Глоссолатия. Поэма о звуке. Берлин, «Эноха», 1922, с. 106—116) и охарактеризовал характер исполнения им этого задания «звуковой эмоциональности» (И в а н о в - Р а з у м н и к. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., «Колос», 1923, с. 110—111).

¹⁸⁴ Ср. рассуждения о цветовой символике и «демоническом» начале в статье Блока «Памяти Врубеля» (1910) (V, 423—424). См. также: Э. Г о я л е р б а х. Врубель и Блок. — «Ленинград», 1940, № 9-10, с. 34—35; С. Д у р ы л и н. Врубель и Лермонтов. — ЛН, т. 45-46, кн. 2, с. 600—603; В. А л ь ф о н с о в. Слова и краски. М. — Л., 1966, с. 13—62. В. В. Бородаевский отмечает в речи «Образ поэта»: «Врубель был задушевной любовью Блока (<...> Во Врубеле ему мерещился близкий, как бы однотипный с ним человек, чье рукопожатье, будь оно возможно, уже переживалось бы как счастье» («День поэзии 1980». М., 1980, с. 23). Наблюдения о внутреннем родстве поэта и художника сделал Н. К. Рерих в прозаическом этюде «Блок и Врубель» (1937) (Н. К. Р е р и х. Избранное. М., 1979, с. 362—363).

¹⁸⁵ Образ «сёра» («сэра») восходит у Белого к стихотворению Блока «Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...» (1912) — к фразе: «Пора смириться, сбр» (III, 42). Отзыв об этом стихотворении Белый сообщил Блоку в письме от 17 марта 1918 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 335—336); имеется помета Блока к этому стихотворению на корректуре третьего издания третьей книги «Стихотворений»: «Стихи близки А. Белому» (III, 508). «Химера ужасного сёра, повара войны, меня ненавидящего» (Андрей Б е л ы й. Между двух революций. Л., <1934>, с. 317), стала одним из главенствующих и многогранно выписанных образов в «Записках чудака», приобретающим глобальные фантазматические очертания и объединяющим английские впечатления и тему «сыска», выслеживания и преследования (мотив «сыска» проецируется у Белого, опять же, на стихотворение Блока «Есть игра: осторожно войти...» (1913 — III, 43—44). См.: Андрей Б е л ы й. Записки чудака. — «Записки мечтателей», № 2-3. Пб., «Алконост», 1921, с. 45—90.

¹⁸⁶ См. прим. 146.

¹⁸⁷ Фрагменты воспоминаний Н. А. Павлович о Блоке были впервые опубликованы в 1922 г. («Рупор», 1922, № 3, с. 1—2; «Феникс», сб. 1. М., «Костры», 1922, с. 154—157).

¹⁸⁸ В 1918—1919 гг. Белый жил в Москве по адресу: Садово-Кудринская, д. 6, кв. 2.

¹⁸⁹ О своем общении с Белым до встречи с Блоком и о знакомстве с Блоком в мае 1920 г. в Москве Н. А. Павлович подробно рассказывает в воспоминаниях («Блоковский сб.», 1, с. 451—455).

¹⁹⁰ Имеется в виду обращение Савла на пути в Дамаск (Деяния святых апостолов, IX, 1—9).

¹⁹¹ Речь Белого на заседании «Вольфилов» 28 августа 1921 г. (см.: «Памяти Александра Блока», с. 19—20).

¹⁹² Белый использует теософские представления о «видимом и невидимом составе» человека, в который входят физическое тело, эфирное тело («эфирный двойник») — носитель и проводник жизненной силы, астральное тело (все человеческие свойства, окрашенные элементом страсти, чувственного существования).

¹⁹³ Проповедь А. И. Введенского (см. прим. 144) — «Слово протоиерея отца А. Введенского, посвященное памяти поэта Александра Блока» — состоялась 28 августа 1921 г. Сообщаемые Белым «тезисы» сформулированы в тексте проповеди следующим образом: «Я знаю, что предмет моей сегодняшней беседы у многих вызвал недоумение. Одна особа, которая хорошо знает Блока по его произведениям, говорила мне, что когда читаешь его и проникаешь в его поэзию, тогда Блок, как религиозный мыслитель, как религиозный творец, представляется чем-то чуждым и случайным. Он — иной. Прежде всего вспоминаются его слова о том, что «я послал тебе черную розу в бокале», в котором было налито золотистое ай. Блок, который умел, кажется, как никто из современных поэтов, вывить всю яркость и красоту этого мира, со всеми его тонкостями и нюансами, — подчеркивая всю красоту до мельчайших изгибов ее, Блок — служитель потустороннего, нездешнего, мистического мира, представляется как бы не в той роли, в которой он, может быть, и сам хотел выступить. И все-таки, говорю я, если мы вдумаемся в те немногие, правда, строки блоковской поэзии, которые он посвятил богу и Христу, мы увидим, что он поистине пророк-поэт, что он рыцарь Божий, рыцарь Дамы Прекрасной, которой он посвятил такие вдохновенные, единственные по своей напряженности и красоте строки. (...) Блок нашел своего бога. Священный, пророческий инстинкт, который владеет всем человечеством, не обманул его (...) поистине не только в порывах творческой красоты своей, но и внутренним существом своим умел подходить Блок к Господу (...) Живой Христос живет в церкви. Это понял Блок. В одном своем стихотворении он говорит, что «...часто в церковные двери я ныне вхожу без сомненья». — «Озарены церковные ступени, их камень жив и ждет твоих шагов...» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, ед. хр. 27, лл. 2 об. — 3, 4, 5, 6 об.).

¹⁹⁴ Заседание «Вольфилов» памяти Блока 28 августа 1921 г. проходило в зале Географического общества (Демидов переулок, 8а).

¹⁹⁵ Видимо, Гутман. См. прим. 217.

¹⁹⁶ Речь идет о боях революционных отрядов с юнкерами в Москве, закончившихся 3 (16) ноября 1917 г. взятием Кремля. В ходе сражений были повреждены некоторые кремлевские здания.

¹⁹⁷ Дата этого выступления Есенина на «имажинистском вечере» не установлена. Кроме того, в августе 1921 г. был устроен вечер памяти Блока поэтами группы «Кузница». «В конце вечера, — вспоминает его устроитель В. Кириллов в очерке «Встречи с Есениным», — в зале появился Есенин. Он был очень возбужден и почему-то закричал: «Это вы, пролетарские поэты, виноваты в смерти Блока!» С большим трудом мне удалось его успокоить» («Сергей Александрович Есенин. Воспоминания». М. — Л., 1926, с. 175). Более поздняя (1923) речь Есенина о Блоке пересказана Вл. Пястом в его воспоминаниях «Встречи с Есениным» (см.: «Воспоминания о Сергее Есенине». М., 1965, с. 502).

¹⁹⁸ Алексей Константинович *Топорков* (род. в 1882 г.) — критик, публицист, философ (ученик австрийского философа и психолога Теодора Липпса); в 1900—1910-е годы печатался в символистских изданиях (псевдоним *Ophis*). Был близок к имажинистам и участвовал в их журнале «Гостиница для путешествующих в прекрасном».

¹⁹⁹ Ср. заметку «Стыдно!» — отклик на этот вечер: «В погоне за рекламой и в погугах на оригинальность имажинисты глубоко возмутительно безобразят над свежей могилкой Александра Блока. Они «посвящают» ему, 22 августа, в своем кафе вечер под названием: «бордельная мистика», «ни поэт, ни мыслитель, ни человек» и т. п. Пошло! Отвратительно!» («Известия», 1921, № 185, 23 августа; подпись: X).

²⁰⁰ Вадим Габриэлевич *Шершеневич* (1893—1942) — поэт, переводчик, критик, один из теоретиков имажинизма.

²⁰¹ См. финал «первого видения» пьесы Блока «Незнакомка» (1906) (IV, 80).

²⁰² На вечере в Москве, о котором пишет Белый, В. Хлебников присутствовать не мог: в августе—сентябре 1921 г. он жил в Железноводске. Постоянно встречавшаяся там с Хлебниковым О. С. Самородова свидетельствует: «Когда пришло известие о смерти Блока, он был страшно поражен и опечален. Все его разговоры в эти дни сводились в конце концов к Блоку Он переживал его утрату как утрату очень близкого человека» (О. С. а м о р д о в а. Поэт на Кавказе. Воспоминания. — «Звезда», 1972, № 6, с. 190). Возможно, что в каком-то из выступлений на описываемом вечере пересказывались языковые идеи в наблюдении Хлебникова. Сходные с приводимыми Белым суждения встречаются в статье Хлебникова «О современной поэзии», опубликованной в харьковском журнале «Пути творчества» (1920, № 6—7): «В творчестве Толстого, Пушкина, Достоевского словоразвитие, бывшее цветком у Карамзина, приносит уже тучные плоды смысла (...) В Пушкине слова звучали на «ение», у Бальмонта на «ость» (Собрание произведений Велимира Хлебникова, т. V. «Изд-во писателей в Ленинграде», 1933, с. 222—223).

В целом отношение Белого к языкотворческим теориям и экспериментам Хлебникова не было столь однозначным. Так, несколько месяцев спустя, согласно воспоминаниям С. П. Постникова, «в берлинском русском «Доме искусства» был доклад о «заумном» языке, в частности о Хлебникове. И докладчик, и остальные выступавшие очень резко отзывались о «заумном» языке. Тогда Борис Николаевич <...> предупредил меня, что сейчас разнесет всех этих хулителей Хлебникова. И действительно, зло высмеяв всех говоривших до него, он произнес блестящую речь в защиту «заумного языка» (С. П. П о с т н и к о в. Андрей Белый, писатель и человек. — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 6, ед. хр. 41).

²⁰³ Сохранился протокол этого заседания, составленный Д. М. Пинесом. На нем затрагивались, в основном, вопросы, связанные с подготовкой сборника памяти Блока. «А. Белый сообщил о переговорах с А. Вольским, обещавшим дать материал в связи с темой «Крушение гуманизма»; даст материал В. А. Пяст; написано письмо А. С. Петровскому, которому — в Румянцевском музее — переданы были для хранения письма А. А. к Бор(ису) Ник(олаевичу). Теперь приняты меры для получения копий с этих писем». Иванов-Разумник сообщил о результатах переговоров с Ф. Ф. Зелинским, Н. О. Лосским, Н. А. Клюевым, В. В. Бакрыловым, А. З. Штейнбергом и др.; большинство обещало предоставить материалы для сборника (ЦГАЛИ, ф. 391, оп. 1, ед. хр. 34). После 1 сентября (как замечает Пинес в позднейшей приписке к протоколу) «было всего еще одно, во всяком случае — не более двух заседаний».

²⁰⁴ Виктор Павлович *Коломыйцов* (1868—1936) — музыкальный критик и переводчик. В составе собрания сочинений Блока опубликованы (впервые — в 1932 г.) 32 стихотворения Г. Гейне, переведенных Коломыйцовым, текст которых был кардинально переработан Блоком (II, 481—496). См.: Е. Л а н д а. А. Блок и переводы из Гейне. — В кн.: «Мастерство перевода. 1963». М., 1964, с. 292—328; Е. В. Л а н д а. Блок — редактор Гейне. В кн.: «Редактор и перевод». Сб. статей. М., 1965, с. 72—107.

²⁰⁵ Ошибка Белого. Блоку также принадлежит рецензия на книгу стихов К. Д. Бальмонта «Фейные сказки. Детские песенки» (М., «Гриф», 1905), напечатанная в «Литературном приложении № 4» к газете «Слово» (1906, № 396, 27 февраля). См. V, 618—619. Рецензия Андрея Белого на «Фейные сказки» была помещена в журнале «Золотое руно» (1906, № 1, с. 140—141). Оба отклика положительно оценивали книгу Бальмонта.

²⁰⁶ Вероятно, имеется в виду издание: Alexander B l o c k. Gedichte. Berlin, Verlag «Skythen», 1924, 48 S. (пер. и вступ. ст. — R. von Walter) См. обзор немецких переводов Блока: Д. У с о в. Русская новейшая литература в Германии. — «Искусство», 1927, кн. I, с. 83—94.

²⁰⁷ A. B l o c k. Canti bolscevichi (Dvjenadzat). Prima traduz. italiana dar russo. Milano, R. Quintieri, 1920, 59 p. (пер. анонимный).

²⁰⁸ A. B l o c k. Les douze. Avec illustrations de M. Larionow. Paris, Edition d'art la cible, 1920 (пер. — S. Romoff).

²⁰⁹ А. Б л о к. Двенадцать. Скифы. Иллюстр. Н. Гончаровой и М. Ларионова. Париж, «Мишень», 1920.

²¹⁰ А. Б л о к. Двенадцать. Предисл. П. Сувчинского. София, Российско-Болгарское книгоиздательство, 1920.

²¹¹ Экземпляр «Записок мечтателей» (№ 2-3. Пб., «Алконост», 1921) с пометами Блока на «Записках чудака» сохранился в библиотеке Блока (ИРЛИ, шифр: 94 1/126). Первая помета — на с. 21 (отчеркнут абзац «К международному обществу сыщиков? <...> убит был одеждами Несса; на полях: NB), вторая — на с. 22 (отчеркнут текст от «Священнейшие фигуры — оккультные знаки...» до «...прививается яд»). Подробная характеристика блоковских маргиналий дается в кн.: «Описание библиотеки А. А. Блока». Составители Н. А. Колобова и О. В. Миллер. Л. (в печати).

²¹² Блоком отчеркнуты пять верхних строк на с. 24. Кроме того, Белым не учтена помета Блока на с. 47 (отчеркнут текст от «понимаю величие этого *джентльмена*...» до конца страницы).

²¹³ На с. 52—53 Блоком отчеркнут текст от «Вспомнилось: ...» до «...буря пустот через прорезь зрачков».

²¹⁴ Аналогии между творческой эволюцией Блока и развитием образа Фауста у Гете Белый проводил в своей речи памяти Блока 28 августа 1921 г. («Памяти Александра Блока», с. 17, 20—22, 34). О сближении духовного пути Блока с «фаустовским путем» см. также: Д. М а к с и м о в. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975, с. 44—46. О связи «Двенадцати» с «Фаустом» Гете см.: Л. Д о л г о п о л о в. Поэма Александра Блока «Двенадцать». Л., 1979, с. 92—95.

²¹⁵ Дмитрий Михайлович *Пинес* (1891—1937?) — историк литературы, библиограф, исследователь творчества Блока и Андрея Белого.

²¹⁶ См.: набросок предисловия к неосуществленному изданию сборника «Стихи о Прекрасной Даме» (1918; I, 560—561), а также «Вместо предисловия» (1908; II, 371—374) — было предпослано книге Блока «Земля в снегу. Третий сборник стихов» (М., изд. журн. «Золотое руно», 1908).

²¹⁷ Видимо, Ян Янович *Гутман* (псевд. Ив. Грачев) — писатель. См.: «Московское общество драматических писателей и композиторов. Алфавитный список членов общества на 1 ноября 1926 г.» М., 1927, с. 32.

²¹⁸ Предвзятое отношение Белого к Брюсову в этих записях в значительной степени объясняется происшедшим между ними конфликтом в начале 1912 г.; примирение писа-

телей состоялось лишь летом 1924 г. в Коктебеле (см.: ЛН, т. 85, с. 344—346). Об отношениях Блока и Брюсова см.: наст. том, кн. 1, с. 466—524.

²¹⁹ Вечер памяти Блока состоялся в московском Доме печати 21 августа 1921 г. с участием П. С. Когана, В. Кириллова, Л. Сабанеева; он был назван «одним из лучших литературно-художественных вечеров, прошедших в Москве за последнее время» («Известия», 1921, № 185, 23 августа).

²²⁰ Неточность Белого: статья Блока «Крушение гуманизма» датирована «Март — 7 апреля 1919» (VI, 115); впервые она была прочитана Блоком на собрании сотрудников издательства «Всемирная литература» 9 апреля 1919 г.

²²¹ Сергей Федорович *Ольденбург* (1863—1934) — академик, востоковед-индолог, непременный секретарь Академии наук в 1904—1929 гг.; входил в редакционную коллегию экспертов восточного отдела «Всемирной литературы».

²²² Федор Дмитриевич *Батюшков* (1857—1920) — историк литературы, критик, теоретик перевода, литературно-общественный деятель; член редакционной коллегии экспертов «Всемирной литературы».

²²³ Александр Николаевич *Тихонов* (псевд. Серебров; 1880—1956) — писатель, участник революционного движения, издательский работник, заведующий издательством «Всемирная литература».

²²⁴ Федор Александрович *Браун* (1862—1942) — филолог-германист, профессор Петербургского, позднее Лейпцигского университета; член редакционной коллегии экспертов «Всемирной литературы».

²²⁵ Ср. прим. 132.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ. <ПАМЯТИ А. БЛОКА.>

Блок — национальный поэт; он — наш, любимый, единственный, несравнимый ни с кем из поэтов XX века, поэт страшных лет, *русских* лет (лет *страстных*); мы же — «дети» страшной России. Мы связаны с ним одною мыслью, одною, все тою же Музой: Россией. Он имел с Ней свидания: и Она ему — Мать, Невеста, Жена. Оттого-то он *Русский* среди русских, оттого-то: в глубинах своих непрочитанных *многими*, в тембре и в жесте он всем говорит; он есть «общий» для всех, как и Лермонтов, Пушкин, Толстой, Достоевский; в нем русское есть Чело (*Само-*), Вече (*Со-*, *Со-бор*, *Со-вет*, *Со-весть*, *Со-знание*, *Со-мыслие*, *Смысл*) и «*Твоо*» (плоть); он — русское *Само-со-знание* *Чело-вече-ства*.

Стихотворения трех его томиков — листья единого дерева, три ветви от цельного корня; он в них неделим. В «Незнакомке», в «Двенадцати», в «Прекрасной Даме» и в «Скифах»; в единственном «Куликовом Поле» — единственный голос, все тот же, все той же единственной Музы — его; Она — Имрек, носящий духовные псевдонимы (София, Мария), душевные (Россия, Прекрасная Дамы), физические (Невеста, русская женщина); Она дана в радуге цветовых преломлений; и вырывать одну краску Ее из лучей цельной радуги — гасить Свет его Музы: не знать Ее Имени, отдаваясь страшному миру Ее Противобраза — Незнакомке, Страшной Музе, Клеопатре, вонзающей в сердце «*французский каблук*».

Блок именно потому Блок «*Куликова Поля*» и «*Скифов*», что он — Блок «*Прекрасной Дамы*», «*России*»; он — *новый народник*; он народник, возводящий культ русской души в рыцарский культ.

Три томика Блока — три акта единой мистерии-драмы, являющей тот же все связанный диалог участников; их — немного: Он, Она, Третий, *они*; или Я, Ты, Он, Мы; или: Рыцарь, Прекрасная Дамы, хор мистиков, Враг; или: Русский, Россия, Народ, Проходимец; или: Пьерро, Коломбина, Арлекин, арлекинада и т. д. Под всеми личинами лики все те же.

Блок — русский конкретный философ, вынашивающий будущее русской Софии-Премудрости; в нем темы Вл. Соловьева, Федорова («Философия общего дела») и русской общественной мысли (Лавров, Герцен, Бакунин) сплетаются, сочетаются в некое новое «*Само-*»: в русское самознание будущего. «*Она*» сходит с неба на землю:

Я — озарен: я жду Твоих шагов.

София облачается в душевную плоть Россия; Россия разделена в нас, в русских; Блок соединяет нас в Ней. И оттого-то среди русских он Русский (не в расовом, этнографическом или узко «национальном» смысле).

Память о нем будет жить жизнью Музы, России. Мы, русские, понесем эту Музу, Россию чрез ряд поколений; и в них, в поколениях сотворим ему —

— Вечную Память.

А н д р е й Б е л ы й

Текст представляет собой автограф Андрея Белого, включенный в рукописный сборник под общим заглавием «Памяти А. Блока», который сохранился в архиве А. А. Блока (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 87, л. 11—11 об.). Кроме этой рукописи Белого, в сборник включены автографы Ю. И. Айхенвальда (слово памяти Блока), Н. С. Ашукина, К. А. Липскерова, А. П. Глобы (стихотворения памяти поэта). Обложка сборника художественно оформлена, на обороте надпись: «Издано книжной лавкой «Содружество писателей» в количестве 4-х номерованных экземпляров. Москва. 1921 г. Обложка работы И. Матусевича. № 1» (Там же, л. 1 об.).

Слово Белого о Блоке в сжатом, концентрированном виде излагает идеи, более развернуто высказанные им в некрологе, помещенном в «Записках мечтателей» (№ 4. Пб., «Алконост», 1921, с. 8—10), и в выступлениях памяти поэта — в Вольной философской ассоциации в Петрограде 28 августа 1921 г. (текст речи опубликован в кн.: Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг. Пб., 1922) и в Политехническом музее в Москве 26 сентября 1921 г. (сохранилась выправленная Белым стенограмма речи — ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 91, л. 20—33). Публикуемый текст написан Белым, видимо, в Москве в сентябре или октябре 1921 г. О преломлении в сознании Блока тем русских философов и деятелей общественной мысли XIX в. Белый пишет также в «Воспоминаниях о Блоке» («Эпопея», № 2. М.—Берлин, «Геликон», 1922, с. 118—119).